

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

РЫЦАРЬ В
СЕРОЙ
ШИНЕЛИ

Александр Сергеевич Конторович

Рыцарь в серой шинели

Серия «Рыцарь в серой шинели», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633025

Аннотация

Новое прочтение вечного сюжета о «попаданце» – только теперь уже не в 1941 год, а в неведомый «параллельный мир». Или правильнее сказать: «перпендикулярный»? Ведь эта реальность не просто отстала от нашей на добрых полтысячи лет, но еще и не исчерпала до дна запасы древней магии. И нашему современнику, пусть даже ветерану Афганской войны и эксперту-криминалисту, выжить в этом «перпендикулярном мире» не проще, чем разведчику во вражеском тылу. Вдобавок к обычным «ужасам средневековья» тут в самом разгаре местное «смутное время»: король враждует с высшей знатью, горожане на ножах с рыцарством, Церковь пытается под корень извести колдунов, а любые знания и навыки XXI века воспринимаются здесь как самая черная магия. И «попаданцу» волей-неволей приходится выбирать – смириться с судьбой, приняв этот мир таким, как есть, или попытаться изменить порядок вещей, став рыцарем в серой шинели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	58
Глава 5	73
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александр Конторович

Рыцарь в серой шинели

Глава 1

Кап...

Кап...

Кап...

Монотонный звук капли убаюкивал. Поспать... да, это было бы сейчас весьма кстати. Болела голова, и в затылке стреляло, будто десяток маленьких гномиков лупил по нему молоточками. Спать хочу...

Завалиться бы сейчас на боковую и открыть глаза в своем кабинете.

Черт!

Это было бы весьма неплохо.

Только я уже пробовал.

Ничего из этого не вышло. Открыл глаза я все в том же подвале. Все осталось по-прежнему. Та же монотонная капель, те же сырые своды. Все было до отвращения реально и ощутимо. Стены можно было потрогать рукой, воду можно было набрать в ладони и попить. Можно было умыть небритую морду. Или смочить здоровенную шишку на затылке. Именно это я и собирался сейчас сделать.

Капли воды собирались мною в глиняную миску. Обычно в нее кладут черпак еды. Она тут бывает разная. Утром приносят кашу. В обед наливают какую-то похлебку. Вечером дают овощи и немного каши. Пить я могу сколько угодно – вода капает в углу.

Вообще-то на еду грех жаловаться. В нашей родной КПЗ это считалось бы немислимым деликатесом.

Только мне этот деликатес сейчас не лезет в горло. Ем я чисто автоматически, так же и пью. Мою миску и сижу на единственной лавке. Тут еще не додумались поднимать кровати на день, и сидеть или спать я могу сколько душе угодно.

Другой вопрос, что делать это я могу только до суда. А после него... сон-то будет. Только есть большая вероятность того, что будет он вечным...

А что ж вы хотите-то? Я обвиняюсь в убийстве с целью грабежа.

Правда, мне до сих пор неясно, кого и когда я убил...

Впрочем, может быть, есть смысл рассказать все с самого начала?

Этот день ничем не отличался от обычного рабочего дня. Разве только тем, что мне пришлось заступить на дежурство по управлению. Получив в оружейке свой АПС и подсумки с четырьмя обоймами к нему, я поднялся в класс, где уже сидели мои собратья по несчастью. Поздоровавшись с Виталь-

кой Романовым, жизнерадостным опером из уголовного розыска, я уселся поближе к окну. Моросило, осень уже вступила в свои права, и погода стремительно портилась.

– И не заколебался ты эту дуру таскать? – кивнул на мой пистолет Виталий. – С кем воевать-то собрался? Ты ж эксперт, работа кабинетная, вообще тяжелее карандаша ничего поднимать не должен!

– Хм-м-м... мысль, конечно, интересная... может быть, ты возьмешь на себя труд донести ее до сведения моего руководства на Петровке?

– На хрена еще?

– Да, видишь ли... У них там возникла идея направить меня в командировку...

– Тем паче! Еще и там железо таскать!

– В Чечню...

Виталий перестал балагурить и насупился. Только в прошлом квартале мы похоронили двух парней из его службы. Ребята тоже поехали в командировку. И тоже в Чечню. Что там стряслось, никто толком не знал. Но одного из них нашли с пустым «макаром» в руках: парень отстреливался до последнего патрона.

Мне совершенно не улыбалась подобная перспектива, и поэтому, прихватив пол-литра казенного спирта, я наведлся к нашему оружейнику. Услышав мою просьбу, он повертел у виска пальцем.

– Сдурел? За каким рожном тебе этот карманный пуле-

мет? В нем же весу почти полтора кило? Да и не подпишет генерал такой рапорт.

– А ты намекни ему, что мне скоро бронежилеты испытывать... Ведь скоро же?

– Через полгода... да и то, будут ли они вообще? Уже год обещают, да все никак не сошьют.

– Ну, а не будем испытывать, я тебе его через полгода и верну.

Михалыч задумчиво посмотрел на банку со спиртом.

– А у вас нет такой же? Но... синего цвета?

– Намек понял!

Еще пол-литра казенного добра перекочевало в его кабинет. И через неделю он уже выдавал мне тяжелую коробку с пистолетом.

– Кобура, подсумки... так, еще что-то было...

– Да с меня и этого хватит.

– Ремень! Вот, держи. Положено выдать – будь любезен расписаться. Патроны получи.

Когда я первый раз появился на разводе с этой пушкой, зам по борьбе с личным составом поперхнулся на полуслове. Минуты три он меня разглядывал, как редкую картину, а после осведомился – куда это я собрался?

– На дежурство по управлению, товарищ подполковник! Куда ж еще?

– Э-э-э... я помню, у вас в кабинете еще и арбалет висел на стене... Что ж тогда и его не захватить?

– Не табельный... – развел я руками. – Не положено...

Ребята приснули. Зам побагровел. Это было его любимым выражением. Послушать подполковника, так нам было «не положено» очень много чего...

Да, кстати... Я же представиться забыл! Склероз...

Александр Николаевич Ершов, капитан милиции. Эксперт-криминалист. Специализация – экспертиза взрывоопасных устройств. До кучи занимаюсь еще и огнестрельным оружием, дактилоскопией и много еще чем. Тридцать лет, не женат по вредности характера и неуживчивости. Свободного времени благодаря этому хватало. Вот я и занимался «всеми безобразиями» (с точки зрения руководства). Реконструкцией, историческим фехтованием. Даже закончил первым выпуском школу каскадеров Сальникова. Правда, дальше съемки в нескольких эпизодах дело не пошло. Надо полагать – мордой не вышел. Зато с гордостью демонстрировал знакомым девушкам киноафишу. В графе «Исполнители трюков» мелким шрифтом была напечатана моя фамилия. Некоторых впечатляло... В их глазах трюкач был куда интереснее мента-криминалиста.

– ...Следует обратить особое внимание!

Черт! Опять задремал. Хорошо, что сегодня нас наставляет начштаба, он мужик незлобивый и не придиричивый.

– Вопросы есть? Нет? Все свободны.

Дружной гурьбой мы вывалились в коридор и расползлись

по кабинетам. Романов сразу же зашел ко мне.

– Чаем угостишь? Он у тебя знатный.

Это был мой конек! Все управление знало – самый лучший чай у Ершова. Заходили «на чаек» даже коллеги с Петровки, когда им случалось бывать в наших краях. Свою репутацию я поддерживал неукоснительно, добывая новые рецепты и смеси по всем знакомым. Кстати говоря, некоторые вопросы первоочередного материального снабжения также решались этим путем. Зам начальника ХОЗУ тоже был любителем чая...

– Чего там Петрович распинался?

– А! Все как всегда! Очередная угроза терактов... повышенная криминогенная обстановка... Будто сам не знаешь?

Я знал. Бардак творился неопиcуемый. Бандюки, нимало не стесняясь нашего существования, решали свои вопросы привычными путями. То есть стреляли, резали и взрывали друг друга. Начавшаяся война в Чечне добавила в этот бордель еще и террористов. Правда, у нас их пока еще не видели, но... Такими темпами пойдет – через год из окон отстреливаться начнем.

До обеда ничего интересного не происходило. Смотались на одну квартирную кражу. Обычная бытовуха. Неведомые злодеи забрались в окно пятиэтажки и выпотрошили квартиру. Сперев последние деньги хозяев из надежнейшего хранилища – шкафа с бельем, они довели до истерики хозяйку. Выслушивая, как Виталик дежурно соболезнует хозяе-

вам, я быстро осмотрел квартиру. Ничего интересного. Разве что...

– Виталий! Подь сюды!

– Чего тебе, наука? – он, похоже, был рад, что я оторвал его от надоевших уверений в скорой поимке жуликов.

– Спроси у хозяев – их сумка у окна лежит?

– А как же! Наша! – разлетелся к окну хозяин квартиры, поддатого вида мужичок. – Ой, нет! Не наша! Ошибся я, правда, Маш?

Столь быстрая метаморфоза произошла с ним по причине того, что я вытащил из сумки немаленьких размеров тесак. Вслед за ним свет божий увидели нехитрые воровские причиндалы. Набор отмычек, складной ломик-фомка и еще кое-что по мелочи.

– Нет-нет! Это, наверное, воры забыли! Руки-то у них были заняты, краденое выносили!

На мой взгляд, занимать тут руки было абсолютно нечем. Все, представляющее какую-либо ценность, давно было реализовано владельцами квартиры.

– Вещдок! – гордо произнес Романов. – Попрошу понятых...

Выйдя во двор, я спросил у него – успеем ли мы где-нибудь по дороге пожрать? А то, не ровен час... так и будем до утра голодными скакать.

– Ну, сейчас попробуем...

Подбежав к пожилому следователю, возглавлявшему на-

шу группу, он о чем-то с ним переговорил и быстро вернулся назад.

– Порядок! Сейчас все вместе сможемся.

Пока наш «ПАЗик» неторопливо пробирался по улицам, я рассматривал вещдоки. Ничего особо ценного они из себя не представляли. Такого добра у меня в подвале скопилось уже не один килограмм. Разве что тесак... Обозвав его тесаком, я, пожалуй, погорячился. При более внимательном рассмотрении мне стало ясно, что лет этому «тесаку» не менее ста, а то и поболее. Ни на один из известных мне образцов холодного оружия (а знал я их предостаточно!) он не походил. Скорее всего – самоделка. Уж что касается рукояти – абсолютно точно! Вот клинок... да, это точно не самоляп... Глубоко врезанный в металл сложный узор. Витиеватые строчки неизвестных мне букв... да, тут, пожалуй, что и поболее ста лет.

Автобус затормозил около здания заводоуправления. В их столовой мы обычно и перекусывали. Сытно и относительно недорого. Да и люди там интересные попадались иногда. Некоторые свои познания по части изготовления всяких прибабасов из металла я именно здесь и получил. Как-никак, а завод большую часть своего существования пахал на оборонку. И специалисты тут были очень даже квалифицированные.

Отстояв очередь на раздаче, мы облюбовали себе столик у окна. В силу наших частых сюда визитов записные остря-

ки из розыска уже предлагали привинтить над ним табличку «Столик для дежурной группы».

Обед подходил к концу, когда у Виталика захрипела рация. Из-за особенностей данного здания прием в нем был весьма затрудненным. Отчасти из-за этого руководство смотрело косо на визиты сюда сотрудников, находящихся на дежурстве.

Чертыхнувшись, Романов быстро допил компот и выскочил на улицу. Когда мы всей гурьбой высыпали следом за ним, он уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу у «ПА-Зика». Увидев нас, он призывно замахал руками.

– Чегой-то приперло его, не иначе как кого-то грохнули, – наш водитель Миша был суровым реалистом и ничего хорошего от жизни не ожидал. Как правило, его мрачные прогнозы относительно нашей предстоящей деятельности оправдывались.

– Скорее, мужики, где вас черти носят?

– Чего стряслось-то?

– «Седого» рванули! Дежурный туда уже городскую группу вызвал! Надо раньше них успеть, а то... сами понимаете... поставят нас всех в позу пьющего оленя.

Остывший автобус рванулся вперед, гремя своими внутренностями и распугивая сигналом прохожих.

Мы успели почти вовремя, городской группы еще не было, и дежурный по управлению тоже пока не появился. Тут уже суетились ребята из местного отделения.

Недалеко от нового, недавно отстроенного офиса накренился набок закопченный «гелендваген». Стекла у него были выбиты, и в салоне виднелись тела людей.

Ко мне подбежал начальник здешних сыщиков капитан Вяльцев. Нормальный мужик, с ним можно было говорить начистоту.

– Саня! Я тут уже весь извелся, ожидаючи!

– Куда спешим-то? Этому бандюгану уже давно пора персональное кладбище заводить. И на нем самый почетный участок выделить. Я бы на твоём месте только радовался. Посадить-то вы его все равно не можете, так хоть закопаете получше. Авось не вылезет назад-то?

– Все бы тебе прикалываться! Тут вот какое дело, – оттащил он меня в сторону за рукав. – Пока не приехал никто из его тусовки, нам бы машину осмотреть... Поможешь? Он туда с бумагами какими-то садился, постовой видел. А нам бы эти его писульки очень даже кстатигодились. И проблем с их легализацией не возникло бы никаких. Вещдок, изъятый на месте преступления... Понимаешь?

– Так, а я-то тут причем? Вон, следака тряси, это его компетенция.

– Саня! Это подрыв! Тут тебе карты в руки! Без твоего заключения туда никто и носа не сунет.

– Э-э-э, Вова, не гони! Тут должен дежурный взрывотехник лезть, а не я. Да у меня и снаряжения никакого нет...

– Да чему там взрываться-то?! Все уже жахнуло, вон сам

видишь — полон салон мертвяков. Это ж чистая формальность. Пока из города народ подъедет, тут уже будет седовская братва, адвокатов приволокнут... Сам, что ли, не знаешь, как в таких случаях бывает? За каждую бумагу война пойдет, они уж найдут, к чему прицепиться...

— Ладно, уговорил. Пошли следака трясти.

Через несколько минут я стоял около подорванного джипа. Опера приволокли мой чемодан и даже притащили откуда-то чью-то форменную шинель с капитанскими погонами — площадь продувалась навывлет холодным ветром. И шанс словить тут хорошую простуду был весьма вероятен.

— Так! Вова, очисти площадь!

— Да мы тут рядышком постоим...

— Исчезни с глаз моих долой! Или ждем городскую группу!

— Исчезаю...

Отфотографировав многострадальную машину со всех сторон, я убрал фотоаппарат в распахнутый «кюлленберг», взгромоздив его на капот. Надо мною втихаря потешались коллеги за приверженность к этому старомодному немецкому кримчемодану, но я старался этого не замечать. Нравились мне его по-немецки кондовая и основательная конструкция, окованные металлическим профилем углы. Да и с точки зрения специалиста, он был вполне хорош и самодостаточен. Все в нем было на своем месте, ничего лишнего.

А что тяжелый он, так это даже в плюс. В час «пик» в мет-

ро это был очень убедительный аргумент против излишне резвых бегунов. Несется на тебя такой вот резвый, все снося на своем пути... И никто и ничто ему не помеха – он спешит! А как с окованным углом «кюлленберга» коленом повстречается... Дальше уже не торопясь идет... точнее – ковыляет. Чемодану же – хоть бы хны! А поскольку машиной я так и не обзавелся, в метро с ним ездить приходилось частенько.

Так, что мы имеем?

Имеем мы подорванный автомобиль. Стекла рассыпаны вокруг, стало быть, взрыв произошел внутри. Где же? Бор-та целы, пробойн нет, гранатомет отпадает. А если по стеклу влупили? Нет, не похоже... Да и очевидцы говорят про внутренний взрыв.

Походим, посмотрим... А что у нас внизу?

Ага!

Старый, но верный прием – «сто лет граненому стакану». Лепят его, родимого, на клей. Или на замазку. Да хоть на жвачку! Лишь бы держался. А внутрь запикивается расчехо-ванная граната. Можно и наоборот, гранату подвесить, а стакан на нее надеть, чтобы чеку держал. И в том, и в другом случаях эффект одинаковый. Стакан ли с гранаты соскочит на ухабе, граната ли из него выпадет и на веревочке повис-нет. Жахнет – мало не будет! Никому...

Так здесь и произошло.

Граната рванула аккуратно между сиденьями. Пол треснул, и взрывная волна вынесла наружу все стекла.

На передних местах лежали тела водителя и охранника. На заднем сиденье развалился «Седой». Многократно судимый и сидевший авторитет, он был хорошо известен всем нам. Крепкой рукой он держал многочисленных «беспредельщиков». Не давая им особо шуметь поблизости от своих «владений». Да... не позавидую я Вяльцеву... Тут скоро такое Чикаго начнется... только успевай труповозки заказывать. Ну да ладно, это его «земля», ему тут и воевать. Так, что мы имеем? Двери... заклинило, или замки закрыты? А не один ли хрен? А высоко джип задран, плохо мне видеть, что там внутри... На подножку встанем... Оп-па!

Соскочив на землю, я махнул рукой Вяльцеву. Тот подбежал и вопросительно на меня посмотрел.

– Ты в салон заглядывал?

– Ну!

– Внимательно смотрел?

– Да нет... так, подошел и метров с трех поглядел...

А что?

– А ты повнимательнее посмотри. Не торопясь. Нам теперь спешить некуда.

Озадаченный Вовка приподнялся и заглянул в салон.

– Ну, ни фиги ж себе...

– Во-во! И я про то же самое.

Салон был засыпан деньгами. Разбросанные взрывом новенькие долларовые купюры лежали повсюду. На полу, на телах, на ковриках и сиденьях.

– И что ты теперь предлагаешь делать?

– Ну... – Вяльцев озадаченно почесал затылок. – Даже и не знаю...

– Так что, друг Вова, извини, но в машину я не полезу. Во всяком случае, один. И до приезда руководства туда даже и не загляну.

– Да ладно тебе! Что я, в самом деле, на тебя подумаю, что ты мог что-то оттуда взять?

– Ты, может, и не подумаешь. Забыл, кто у нас сегодня ответственный по округу?

Кислое выражение его лица показало мне, что это он прекрасно помнит.

– Так вот, стоит кому угодно из нас туда засунуть хоть палец... и с нас будут вычитать эту сумму до конца жизни.

– Какую сумму?

– Недостачи.

– Какая, на фиг, недостача! Это ж бандит лежит!

– Да? Ты его уже осудил? И приговор на руках? Мало тебе примеров из недавнего прошлого?

Вяльцев засопел. В прошлом году задержанный с оружием бандюган накатал заявку на задержавших его оперов. Мол, сняли у него с руки часы и отобрали деньги. Прискакавшие мгновенно ребята из отдела по борьбе с личным составом нашли у одного из оперов двести долларов. И хотя в заявлении указывалась цифра в десять тысяч, ничего им не помогло. Ребят с треском выперли из органов. А через некоторое

время закрыли дело и на бандюгана. Хоть ствол не вернули, и то хлеб. Эти ребята были как раз из Вовкиного подразделения.

Он еще раз заглянул в салон и напрягся.

– Саша! Посмотри!

– Чего там?

– Вон там, между сиденьями!

– Что там такое?

– Блокнот «Седого»!

Этот блокнот я даже как-то имел сомнительное счастье лицезреть. Приличных размеров книжица в кожаной обложке. В нее покойный авторитет записывал все представлявшееся ему интересным. У оперов давно чесались на него руки.

– Саша! Я тебя коньяком вусмерть упою! Достань его!

– Сам доставай.

– Ну,... пожалуйста!

Я приподнялся на носках. Где там этот блокнот? Ага...

– Так. Дверь я открывать не буду. Да и не выйдет, замки заблокированы или заклинило.

Сделаем так. Блокнот выбросило на улицу взрывом. Усек?

– Да!

– Твои ребята подтвердят, что я в машину не залезал и дверей не открывал? Только снаружи обошел и визуальное осматривал на предмет наличия взрывоопасных предметов.

– Спрашиваешь! – даже обиделся он.

– У меня, Вова, задница одна! Значит, так. Дуй к нашему

автобусу и тащи сюда сумку с вещдоками. Там должен быть ломик, иначе я до этого блокнота через окно не дотянусь.

Через пять минут он бегом притащил мне сумку.

Так, ломик в руки, привстаем... тянемся... хренушки! Блокнот гладкий, ломиком его не зацепить. Да и дотянуться до него... тоже не сахар.

Назад ломик. Что делать? Взгляд упал на полусамодельный тесак. А что? Кончик у него вполне себе острый, если на него нанизать книжицу... Может и сойти. Особенно если встану повыше. Повыше? «Кюлленберг»! Он прочный, выдержит.

Сказано – сделано. Чемодан к двери, встаем. Хрустит, но держит. Ничего, чай не впервой... выдержит. Рукава шинели подвернуть, тесак в правую руку. Левой опираемся на дверь. Места для замаха мало, надо его с первого удара наколоть. Отлетит потом под сиденье, и все – кончились поиски. Замах!

Лежавший на правом переднем сиденье охранник «Седого» открыл глаза...

Должно быть, возвращение с того света было для него весьма неприятным. Увидеть перед собой мента в шинели, заносящего над ним приличных размеров клинок... И не всякий здоровый-то человек такое выдержит. А уж контуженный полупокойник – и подавно.

Взвизгнув что-то нечленораздельное, он выхватил пистолет и выстрелил. В последний момент я успел прикрыться

кинжальцем. Пуля звякнула по лезвию и вылетела в открытое окно. Мою руку ощутимо тряхнуло. Не понимающий, что происходит, бандит выхватил из кармана... гранату.

Все! Пипец!

Его рука рванула кольцо...

Машинально я снова прикрылся кинжальцем, словно пытаюсь защитить себя от снопа смертоносных осколков...

Хренак!

Сильный удар в руку...

Темнота...

Глава 2

Плеск воды...

Пожарные?

На хрена они тут?

Машина загорелась от взрыва?

Запаха не чувствую... уже потушили?

А темно почему? И дышать трудно?

Глаза! Неужели... нет, веки хлопают. А отчего так темно?

Ну-ка. Руки-ноги... на месте, даже и шевелятся... в правой руке...

Что там в ней?

Черт!

Шинель!!!

Ее набросило мне на голову, и я ничего не вижу.

Отбросив полу шинели, я рывком поднялся на ноги.

Лес.

Глухой и незнакомый. Темнеет уже, вечер?

Стоп.

Мне жарковато. Это – с какого вдруг бодуна? Да и на дворе осень уже.

А лес здесь откуда взялся?

И куда делся джип? И вообще – что все это значит? Где ребята, бандюганы дохлые куда испарились? Город, наконец, куда исчез?

Н-н-да... Если тут где-то и был город, то явно не поблизости. Воздух здесь был свежим и пах лесом и рекой, но уж никак не железом и не бензином. Сгоревшим тротилом, кстати говоря, не пахло тоже.

А жарко, однако!

Подняв руку, чтобы расстегнуть пуговицы и снять шинель, я обнаружил, что до сих пор сжимаю в ней тесак. Повертев его перед глазами, обнаруживаю след от пули – маленькую царапину. Надо же... прочный однако металл! Надо будет поговорить со следаком, пусть его «забудут» у меня в лаборатории. А что? Толку с него все равно для следствия никакого, а мне память будет. Как-никак, а от пули меня он уберег. Кража все равно – всяк голимый, так что и вещдоки к ней только шкафы у следователя загромождать будут.

Минуточку...

А где, собственно говоря, находится моя лаборатория? Идти мне куда? И как я объясню свое исчезновение заму? Он-то небось уже весь асфальт на площади вскопал, меня разыскивая.

Охлопав себя по бокам, я проверил наличие пистолета и подсумков. Слава Богу! А то еще и этот геморрой...

А тесак куда девать?

Оглядевшись, я заметил неподалеку от себя торчащий из куста «кюлленберг». Вот ведь умеют же немцы кондовую технику делать! Лежащей около него сумке повезло меньше. Кое-как мне удалось превратить ее в жалкое подобие мешка,

куда я и запихал тесак.

Умывшись в протекавшем мимо ручье, я заодно и хлебнул воды. Вкусно! И привкусов никаких нет. Жить можно!

После ряда попыток я свернул шинель во что-то напоминающее скатку. И как их в войну солдаты так носили? Или у них шинели другие были? Во всяком случае, надеть ее через плечо, так, как это я не раз видел на фото, не вышло. Пришлось присобачивать получившуюся колбасу к бывшей сумке, ныне именуемойся... скажем так – вещмешком...

Взяв в руку чемодан, я потопал вдоль ручья. Как это нас в свое время учили? Ручьи впадают в реки, а реки выводят к людям. Выводили, если быть правильным. Сейчас все это уже не так.

Тем не менее, хоть куда-то, но ручей меня вывел.

Во всяком случае, на дорогу это походило...

По ней я и потопал... направо. Отчего? Да хрен его знает. Мне, собственно говоря, это было пофиг. Если ты не знаешь, куда надо попасть, то не все ли равно, куда ведет эта дорога? То, что это не Подмосковье, я уже успел понять...

Так или иначе, а рассиживаться здесь в ожидании чудесного спасения не приходилось. Отсутствие поблизости каких-либо следов транспортных средств ясно давало понять, что дорог рядом не имеется. Каким бы образом я сюда ни попал, ожидать визита неведомых спасателей не приходилось. Это в наше-то время? Ага, как же! Придут, спасут... потом еще раз и еще... Нет уж! Лучше своими силами доберусь до

населенки, там и поспрошаю – куда меня черти занесли?

Подхватив казенный «кюлленберг», я бодро топал по дороге. По пути прикидывал, как давно по этой дороге что-то ехало?

То, что машины по ней не ходят – ясно и ежу. Ветки слишком низко, машина их посшибала бы. Любая, даже и легковушка. Да и колея... слишком узкая для автомашины, даже и для микролитражки. Явно шины тут не катались, это уже было бы заметно сразу.

А что каталось? Судя по наличию следов копыт, которые изредка мне на дороге встречались, данные средства передвижения были мощностью в одну лошадиную силу. Четырехногую.

А что? И такие места у нас есть. Даже и не так далеко от Москвы.

Протопав по дороге часа два, я призадумался. Уж километров пять я точно отмахал. И до сих пор не встретил ничего, даже отдаленно напоминающего признаки цивилизации. Не летали в небе самолеты, не слышались за лесом гудки поездов. Сибирь? Ага, щас! Там ныне такой дубак стоит! И шинель бы не спасла.

Тогда что это такое?

Поставив на землю чемодан, я уселся на него и стал прикидывать возможные варианты.

Что у нас есть?

Дорога.

Кто-то проложил ее через лес и поддерживает в проезжем состоянии. Я видел в нескольких местах следы топора – срубали мешавшие проезду деревца и оттаскивали упавшие на дорогу стволы. Явно это делалось не из любви к топороманию, дорога зачем-то использовалась.

С этим ясно. С дороги не сходим, куда-то она да приведет. Далее.

Ездят тут на повозках. Много добра не увезти. Вопрос – чего и куда они возят? Топливо? Это в лесу-то? Отпадает.

Еду? Из ближайшего супермаркета? М-м-м... Сомнительно.

Уж точно не на работу ездят, такими темпами затемно надо выезжать, затемно и вернешься. Если только не на суточные вахты... Хм-м, в принципе – возможно.

Думаем дальше.

Сколько нужно человек, чтобы поддерживать в относительном порядке тот отрезок дороги, который я уже прошел?

Одному тяжело и неудобно. Как минимум, два-три человека для этого нужно. Их надо кормить, возить и т. п. Кто это делает? И где они живут?

Выводы.

Где-то рядом должна быть деревня или, на худой конец, хутор. Знать бы точно – в какой стороне. А ну как там, откуда я пришел?

А отвороты или съезды с дороги есть?

Нет. Даже ничего отдаленно похожего не имеется.

Уже нетипично для наших мест. По дороге ездят зачем-то и куда-то. За дровами, на покос, по грибы, наконец. Все это предусматривает съезд с дороги в нужном направлении. Ничего подобного тут нет. Никаких съездов не наблюдается. Понятно, что повозка не грузовик, но следы на земле она тоже оставляет и сквозь деревья и густые кусты не пройдет. Надо расчищать для этого проезд. Ничего подобного тоже не наблюдается.

Общее резюме – попал! И основательно! Будешь сегодня спать в лесу. В награду за тупость – не в ту сторону свернул. Но не идти же теперь назад? Может, за поворотом что-нибудь да отыщется?

За поворотом ничего не отыскалось. Не помогло шаманство, увы...

Чертыхнувшись, я снова присел на чемодан и задумался. Через пару часов начнет смеркаться, пора уже подумать и о ночлеге. Никакой крыши поблизости не наблюдается. Спать под шинелью или строить шалаш? Если я выберу первый вариант, то все это время можно топать по дороге и ни о чем не думать. В противном случае, уже через час надо начинать строительство.

Ладно, так или иначе, но этот час у меня есть в любом случае. Иду дальше.

Стоило мне отойти от поворота метров четыреста, как позади раздался какой-то звук. Дребезжание? Или что-то другое в этом роде?

Сойдя с дороги, я поставил чемодан, уложил на него свою ношу и принялся ждать.

Прошло еще около десяти минут, и из-за поворота появилась телега, влекомая понурой лошаденкой. Ну, звездолета я тут увидеть не рассчитывал, так что ничего неожиданного не произошло.

Телега подъехала ближе и остановилась. За рулем... тьфу! За вожжами (так, кажется?) сидела невзрачная серая личность. Оказавшаяся, при более детальном рассмотрении, все-таки мужиком. Его принадлежность к мужскому полу определялась лишь редкой бороденкой. Во всем остальном он был на удивление нейтральным и незаметным. Роста ниже среднего, одет в какую-то неопределенного покроя серую хламиду. На ногах ... Про себя я обозвал эту обувь чувяками. Ничего другого на ум упорно не приходило. В руках мужичок держал обыкновенный кнут.

Пару минут мы молча таращились друг на друга. Возчик никакой инициативы к разговору не проявлял. Чего спрашивать у него, я тоже не знал. Ей-богу, я впервые видел такую странную личность. Где такие типы могут обитать, я даже и представить себе не мог. Не то чтобы он выглядел неприлично, хотя и это, несомненно, имело место. Во всем его облике сквозила какая-то, прямо-таки безысходная, тоска. И откровенная нищета. Даже среди записных бомжей я не встречал такого потухшего взгляда. Да и телега его... Такое впечатление, что она сейчас развалится на составные части.

Упряжь была многократно связана узелками и скреплена какими-то веревочками.

Старовер?

Да ну, на фиг!

Это, как правило, крепкие, хозяйственные мужики. Встретить среди них такого... проще, наверное, марсианина увидеть на московской улице.

Сектант?

Похоже...

Только секта эта, должно быть, какая-то совсем захудалая. Кстати, понятно тогда, отчего дорога такая заброшенная и не рассчитана под проезд автомашин. Их, скорее всего, у секты просто нет. Но вот жилье у них точно есть! Не в берлогах же они спят? А уж с представителем власти они спорить наверняка не станут. Для них милиционер из Москвы – это величина немаленькая. И хоть на службе гоняют данного милиционера и в хвост и в гриву, здесь никто этого не знает.

Ну, раз он молчит, и инициативы не проявляет, попробуем взять ее в свои руки.

Забросив на телегу чемодан и вещмешок, я сел рядом с возницей (телега опасно скрипнула) и сказал: «Ну, что? Поехали, что ли!»

Так и не проронив ни слова, он дернул за вожжи, и лошаденка неторопливо порысила по узкой дороге.

Укравкой я рассматривал мужичка, и у меня начали возникать первые вопросы. Телега. Внешне хилая и еле живая,

она, тем не менее, не спешила разваливаться. Более того, очень уверенно преодолевала немаленькие ямы.

Упряжь. При более внимательном взгляде выяснилось, что многочисленные узелочки повязаны поверх совершенно целых ремней. И являются своеобразной бутафорией.

А основное, что окончательно меня убедило в нелогичности всей картины, был запах. Точнее – его отсутствие.

К сожалению, я имел немало возможности убедиться в том, что обязательным признаком бомжатника и всех его обитателей всегда является соответствующий запах. Да такой ядреный!

Так вот, у мужичка этот запах отсутствовал. Напрочь. Сеном от него пахло, чуток навозом. Что и неудивительно, ибо безотходной кобылы я еще не встречал. Еще какими-то чисто деревенскими вещами попахивало, но вот бомжатиной не несло. Не был этот дядя таким уж опустившимся и несчастным, каковым хотел выглядеть.

Хм, так он маскируется под нищего и несчастного. От кого? От нашей налоговой инспекции, что ли? Так если к ним в одних трусах прийти, они и их снимут, не побрезгуют. Нет, тут причина другая есть... Есть тут кто-то, перед кем надо таким вот разнесчастливым выглядеть. И опытных глазастых криминалистов среди них точно не имеется. Кто ж здесь такой легковёрный? А мое ли это дело? Мужик о помощи не просит, да и с какого бы рожна? Кто я ему такой? Случайный прохожий, не более.

Краем глаза я заметил, что и мужичок украдкой меня изучает. Причем старается это делать незаметно. Ну и флаг ему в руки, мне скрывать нечего.

Спустившись с откоса, телега переехала небольшую речушку. Дальше дорога запетляла по более-менее открытому пространству. Ага, так тут даже и посевы есть? Вдвойне удивительно! Старания наших «реформаторов» уже совсем успели известить какое-либо хозяйство в таких вот отдаленных деревушках.

Я не оговорился, на опушке небольшой рощицы стояла именно такая деревенька.

Похоже, что и ее не обошло стороной какое-то несчастье. То ли ураган налетел, то ли либеральные реформы сельского хозяйства долбанули. Скорее всего, что все-таки последнее, после урагана хотя бы отстроиться можно. А тут такое впечатление, что дома вот-вот рухнут под собственной тяжестью.

Мы ехали по... пожалуй, что все-таки по центральной улице. Впрочем, она одновременно была еще и боковой, и еще бог знает какой. Ибо была единственной и весьма извилистой. Встречавшиеся нам жители весьма походили на моего возницу. Такие же невзрачные и незаметные. Да тут вся деревня ряженная, что ли? Нет, внешне-то все выглядело вполне достоверно, да только я уже успел рассмотреть одного такого... бедняка.

Персона моя тем временем стала объектом повышенного

внимания. На меня украдкой поглядывали. Но стоило мне поймать чей-то внимательный взгляд, как смотревший тут же прятал глаза и отворачивался.

Точно – секта! Какая-то забитая вся... Мои синие джинсы и кожаная куртка смотрелись на общем сером фоне необычайно ярким пятном. Я буквально кожей чувствовал изучающие взгляды.

Транспорт мой вырулил на площадь и остановился.

– Все, что ли? – спросил я у возницы.

Ноль эмоций. Потухшие глаза и отстраненный взгляд.

– Чем обязан буду, дядя?

Опять молчание. Ну, на нет и суда нет. Подхватив свои вещи, я спрыгнул на землю.

– Благодарствую!

В глазах мужичка мелькнула искорка, впрочем, тут же потухшая. Он дернул за вожжи, и телега покатила прочь.

Н-н-да... нравы тут у них...

Я огляделся. За моей спиной возвышалось крепко сбитое здание. В отличие от всех прочих, этот дом рассыпаться явно не собирался. Надо полагать, тут и гнездится местная администрация.

Однако по мере приближения к дому меня охватывали смутные сомнения. У них тут что – торжественный банкет на десять персон? Уж больно соблазнительные запахи доносились из распахнутых окон. Кстати... окна тут тоже странноватые: стекла кружочками, как в старину. Или это поддел-

ка такая, модная, как сейчас принято у новых русских? Хотя нет, те сейчас все больше запад копируют. Ну, правда, и на западе такие окошки тоже были...

Поднявшись на крыльцо, я толкнул дверь.

– Н-н-да...

Это что угодно, но уж никак не администрация... Если только они на втором этаже не заседают.

Большую часть первого этажа занимал немаленький обеденный зал. С правой стороны имелся основательный очаг, в котором на огне жарилось что-то мясное. Что именно, я разбирался слабо, но вот запах... он буквально заворачивал! Озверевший от голода и вкусных запахов, желудок чуть не бросился алчно жрать все вокруг...

Сглотнув слюну, я уселся на ближайшую скамейку и поставил вещи на пол около стола. В дальнем конце зала возникла тучная фигура. Бармен? Официант? Уж не официантка, это точно.

Не торопясь он подошел (нет – прошествовал!) прямо к моему месту.

– Что угодно... э-э-э... вашей милости?

Хренасе! Это он ко мне? Ничего себе... вашей милости... Это он тут чего обкурился? Хотя, скорее всего – грибками обожрался. Да и хрен с ним, лишь бы меня ими кормить не начал.

А странный у него говор... не сибирский, тут ясно однозначно. Южный? Щас... Это даже не акцент... Вообще язык

какой-то странный. Окончания слов проглатывает – может, у него дефект речи такой?

Вместо ответа я показал ему на очаг.

Официант? Ну, будем считать его таковым. В общем, работник общепита – кивнул и остался стоять у стола.

Чего ему?

Денег?

Блин, а вот их-то у меня и не до хрена...

Порывшись в карманах, я вытащил кошелек и высыпал на столешницу его содержимое. Официант удивленно повертел в руках сотенную купюру, положил ее на место и сгреб со стола всю мелочь. Попробовав монеты на зуб, отделил пару полтинников и унес их с собой.

Вернулся он через пару минут и высыпал передо мною на стол кучу медяков. Поставил большую кружку (между прочим – металлическую, не глиняную, как я ожидал) с чем-то, весьма похожим на пиво, и удалился. Надо полагать – за мясом пошел.

Покуда он отсутствовал, я пододвинул к себе принесенные в качестве сдачи медяки. Да... каких тут только не было. Даже моего богатого опыта не хватало, чтобы сходу определить их национальную принадлежность и номинал. Одна только черта объединяла их все – древность. Не в том смысле, что их вчера вытащили из раскопа, нет. Это были очень старые монеты. Скажем так – давно вышедшие из употребления. Во всяком случае – на территории России. С неровно обрезан-

ными краями, нечеткой прорисовкой рисунка и неодинаковой толщиной. На их фоне мои полтинники смотрелись прямо-таки ювелирными изделиями. А раз так...

Я громко постучал по столу.

«Официант» нарисовался почти моментально и выжидающе уставился на меня.

Ткнув пальцем в кучку медяков, я соорудил на лице вопросительную гримасу.

Эксперимент оказался удачным – вздохнув, толстяк выудил из своей одежды еще несколько медяков и осторожно присоединил их к общей кучке.

Так... тест на лоха пройден. К вящему неудовольствию местного обслуживающего персонала. Нехорошо это – брать чаевые заранее! Такой борзеж нигде не поощряется.

Принесенное мне жареное мясо с гарниром из овощей неожиданно оказалось весьма недурственным. И очень быстро закончилось... Хотя здешние порции выгодно отличались от общепитовских (в сторону увеличения), такого мяса я бы сожрал еще столько же. А то и больше. Если бы смог. Вкусно! Явно эту свинью (кабана?) кормили не комбикормом. Да этому повару здесь можно элитный кабак открывать! Отбою не было бы от всякой крутизны! Так что чаевые он заслужил... хоть и не в первоначальном размере.

Перекочевавший в лапу «официанта» медяк привел его в более пригодное к общению состояние. Пора уже было расспросить его о том, куда мне следовало направить свои сто-

пы. Где тут у них отделение милиции или, хотя бы, сельсовет? На худой конец и почта сойдет.

Примерно через час я устало откинулся спиной к стене. Да-а-а... Что-то я перестал адекватно реагировать на окружающую обстановку. Голове срочно требовался передых. Озадаченный не менее меня «официант» поспешил к новому посетителю, предоставив мне самому возможность сложить обратно взорванный его пояснениями мозг.

Глава 3

Так... Снова и по порядку. Делаем поправку на корявый язык поясняющего и воспаленный ум вопрошающего.

Отделения милиции тут нет. Вообще! Не только здесь, но и где-нибудь в радиусе досягаемости.

Точно так же обстоит дело и с местной администрацией. Вообще это слово «официанту» незнакомо. Да, кстати, никакой он не официант. Хозяин, повар и официант в одном флаконе. Зовут его Вилем. Именно так с одной буквой «л», и с ударением на «е», а я-то уж думал – прибалт, и имя беспощадно коверкал, пока он не пояснил мою ошибку. И не дефект это речи – они тут все так говорят.

Тут...

Это, кстати, для меня основной утык.

Где я нахожусь, ясности пока что нет. Во всяком случае, Вилем про Москву не знает! Совсем. Даже слова такого не слышал никогда. На этом моменте мой мозг споткнулся основательно и долго не врубался в обстановку. Так это что – не Россия вовсе? Куда ж меня черти утащили-то?

Связи, кстати говоря, тут тоже нет. Никакой. Про телефон мой собеседник и вовсе не слыхивал. Аналогичным образом обстояло дело с телеграфом, не говоря уже и о радиосвязи.

Про телевидение я и спрашивать не стал. Видел, что никаких антенн в деревне не имеется. Кстати, деревня эта, по

местным меркам (держитесь за стол!) богатая! Ибо в бедных деревнях трактиров нет – незачем. Никто чужой туда не заезжает, а местные в него ходить не могут – дорого!

Блин, на что ж тогда бедные деревни похожи? Даже представить себе не могу...

Посидев некоторое время в одиночестве, я приподнялся со своего места и направился в сторону вновь прибывших посетителей. Основной фигурой, вокруг которой вертелся ужом Вилем, здесь являлся дородный дядя в годах. Внешне он тянул лет на пятьдесят с гаком и был одет в добротную, крепко и качественно сшитую куртку. Надо полагать, он был тут за главного, ибо все пришедшие с ним ловили каждый его жест.

– Позвольте? – не дожидаясь ответа, я уселся на лавку напротив него.

Если это и доставило ему какие-то неудобства, то внешне он никак на это не отреагировал. Тем более что кружку с пивом (во всяком случае, Вилем называл свое пойло именно так) я принес с собой, да и на моем столе оставалось еще прилично еды. Так что на нахлебника я не походил.

– Садитесь, – пророкотал дядя откуда-то из бороды. – Что вам нужно?

Ну, это уже кое-что. Сразу бычить не стал и прихлебателям своим тоже никаких команд не отдал. Значит, в себе уверен и спокоен. С таким собеседником говорить можно...

Разговор наш оказался неожиданно долгим. Дядя, которого звали Олли, оказался ... купцом. Во всяком случае, я понял это именно так. Причем купцом (или торговцем?) не из последних. Ездил он по округе изрядно и знал много. Вилема, кстати говоря, за что-то не любил. И при его приближении умолкал, терпеливо дожидаясь, пока тот не отойдет. Мысленно поставив на этом факте закладку, я не стал выяснять у Олли причину этой нелюбви. Вообще странно – не любишь, так не заходи. Или тут другого трактира нет в округе? Как выяснилось, действительно не было. Заведение Вилема было единственным в данной местности. Ближайшее находилось аж в городе, до которого было не менее двух дней пути. Конного, ибо другого транспорта тут не знали и не использовали. Эти вопросы я уже задавал ранее. Наученный реакцией Вилема, выразившего неподдельное удивление моему невежеству в данной теме, я никакого особенного интереса к этому факту более не проявил. Для себя однако вывод сделал.

С каждой минутой в голове моей крепло ощущение чего-то нездешнего и неправильного. Связи никакой нет, и никто о ней ничего даже и не слышал. Транспорт – только гужевой. Местное население (во всяком случае, то, которое я видел) старательно маскируется под голь перекатную. Старинные монеты, имеющие, тем не менее, хождение в качестве платежного средства. Отсутствие на столе каких-либо пищевых приправ. Да и сам очаг в рядовом трактире? В наше вре-

меня такую роскошь самый оттопыренный ресторан себе позволить не всегда может – пожарники задолбают.

Так что я явно куда-то влетел... В то, что все эти люди дружно ломают передо мной комедию, я не верил ни единой секунды. Главный вопрос при этом – зачем? За каким рождном им это нужно? Задурить мозги рядовому менту? Для чего? Происки спецслужб? Три раза «ха»! Им это нужно еще меньше. Государственными секретами я не обладал, никакой немислимой ценности лично из себя не представлял. Окажись на моем месте сейчас какой-нибудь суперпродвинутый интеллигент, он, наверное, уже заходилсЯ бы в истерике, переживая столь неслыханные потрясения в собственной жизни. Ничего этого я делать не собирался. Были и более важные вопросы.

Первый – где я и как отсюда выбраться?

Второй – почему я понимаю их язык?

Третий – что мне со всем этим теперь делать?

Мои наличные финансовые запасы, судя по тому, как их оценил трактирщик, позволят мне не помереть с голоду в первые же дни. Одежда пока есть, крыши над головой нет. Собственный статус в этом непонятном месте не определен и сомнителен.

Вывод был только один: отсюда надо делать ноги, и как можно скорее. Пусть даже и в Чечню, все же свои люди рядом будут.

Разговор с Олли тем временем неторопливо продолжался.

Я кивал, выслушивая его жалобы на жадность таможенников (ага, значит, в этом месте таможня уже известна), сетование на плохое качество дорог и хитрость конкурентов. В общем, все как у нас. Неторопливый Вилем еще дважды приносил нам свое пойло, пока наконец Олли не объявил, что ему пора идти спать. Вся его компания утопала наверх, где, как выяснилось, имелись комнаты для проезжающих. А я остался сидеть в одиночестве, пытаясь как-то систематизировать услышанное.

Город.

Вот что мне нужно. И пускай все местное население хоть поголовно страдает непроходимой тупостью, в городе должны быть люди мыслящие. Если где-то и есть ответы на мои вопросы, так это, скорее всего, там. Отдав трактирщику одну из самых мелких монеток, я получил в свое распоряжение комнату. За номер аналогичной площади в рядовой гостинице с меня содрали бы пятую часть моей зарплаты. Хотя, если учитывать отсутствие телевизора и прочих удобств, может быть, и удалось бы оттягать хоть что-нибудь в свою пользу. Попросив Вилема разбудить меня пораньше, я завалился на необъятных размеров кровать и заснул.

Трактирщик разбудил меня рано, наверное, даже слишком. Подхватив свои вещи, я спустился на первый этаж, где в качестве завтрака мне были предложены кусок холодного мяса, овощи и непременно кружка пива. Я попросил его завернуть мне с собой еще немного мяса и приличный ло-

мочь хлеба, после чего покинул столь гостеприимное заведение. Олли и его спутников я не видел, видимо, столь ранние подъемы были не в традиции местного населения. Направление своего дальнейшего пути я приблизительно представлял, единственное обстоятельство, вызывавшее мое сожаление, было то, что топать до города было не менее трех дней. Правда, по пути должны были находиться деревушки. И я рассчитывал, что мне удастся прикупить там что-нибудь съедобное. Разжившись в трактире куском веревки, я привязал ее к соответствующим кольцам на рукоятке чемодана и спихнул его за спину. Идти сразу стало легче. Не люблю что-то долго тащить в руках.

Я находился в пути уже около двух часов. Солнце взошло высоко, и его лучи всю меня жарили, убеждая снять еще и куртку. Похоже, я несколько переоценил свои силы, отправившись пешком в столь дальнее путешествие. Может, надо было попросить у трактирщика кусок материи и ниток и соорудить себе некое подобие нормального рюкзака? Увы, но хорошие мысли всегда приходят с опозданием. Оставалось надеяться лишь на то, что кто-нибудь да поедет по этой дороге в нужном мне направлении.

Так оно, похоже, и оказалось. Я услышал топот копыт: кто-то ехал на лошадях с той стороны, откуда я шел. А вот скрипа колес не услышал, и это меня здорово расстроило. Значит, телег у них нет, и вряд ли они захотят посадить меня в седло за спину кому-то из всадников. Печально. Отступив

с дороги на шаг, я остановился на обочине, пропуская проезжающих. Кто их знает, какие у них тут правила дорожного движения. Может быть, идущий в неположенном месте по дороге пешеход является мишенью для всадника. Было же что-то похожее в средние века? То ли в Европе, то ли в Японии, я уж и не помню где.

Топот копыт приблизился, и вот из-за поворота выметнулись первые всадники. Это были попутчики Олли. Странно... Он, как я вчера понял, намеревался ехать совсем в другую сторону.

Увидев меня, передний придержал коня и что-то крикнул своим спутникам. Вся кавалькада, уже не торопясь, приблизилась ко мне и окружила плотным кольцом.

– Что стряслось, ребята? – обратился я к ним. Вместо ответа они закружили вокруг меня, внимательно осматривая мою ношу. Что-то не понравилось мне их поведение. С другой стороны, они же видели, как я разговаривал с ихним шефом, да и расстались мы с ним вполне дружелюбно. Так что с этой стороны подлянок вроде бы быть не должно...

Что-то с неслабой силой звездануло меня по затылку, мир расцвел передо мной всеми оттенками радуги, и я потерял сознание.

Так что вот уже третий день я сижу в этом негостеприимном подвале. Неразговорчивый мужик раз в день приносит

мне еду и терпеливо ждет, пока я поем. Во избежание каких-либо действий с моей стороны, к правой ноге мне приковали цепью тяжеленное бревно. Так что даже если у меня и выйдет свернуть шею тюремщику, большого облегчения это все равно не принесет. Вылезти в дверь с этой колодой я точно не смогу.

Тюремщик каждый раз уносит посуду с собой, видимо, мне не положено ее иметь. Исключение составляет лишь глиняная плошка, в которую капает вода. Все мои попытки разговаривать надзирателя привели лишь к тому, что он нехотя буркнул нечто вроде того, что с убийцами ему разговаривать не о чем. Вот, мол, приедет стражник и повесит меня ко всеобщему удовольствию. Нельзя сказать, что данная перспектива меня очень обрадовала. К сожалению, при мне не осталось ничего из прежнего снаряжения и вооружения, чтобы выразить свое активное с этим несогласие.

Сегодня против обыкновения мой тюремщик явился раньше, чем обычно. Никакой еды при этом он с собой не принес.

– Что за жлобство, уважаемый? Или у вас уже не принято кормить заключенных?

– Приехал господин стражник. Так что судьба твоя решится уже сегодня, и нет необходимости переводить на тебя добрую еду.

– А если меня вдруг оправдают?

Тюремщик хмыкнул.

– Зачем бы тогда господину стражнику ехать в столь долгий путь? Оправдать тебя могли и раньше. Ладно, хватит болтать.

В коридоре послышался звук шагов. Вошел неразговорчивый мужик с кузнечным молотом в руках и с ним еще двое парней. Мне быстро связали за спиной руки, после чего кузнец расклепал цепь на ноге. Вся наша дружная компания потопала к выходу.

– Ну, приветствую тебя, незнакомец! – стражник оказался крепким мужиком в кожаном доспехе. На голове потертый шлем. Сбоку у него висел прямой меч. Он сидел на улице перед входом в трактир и прихлебывал пиво. Я осмотрелся по сторонам. Знакомое место, вон и Вилем выглядывает из двери. Значит, я нахожусь в той же самой деревне, откуда и вышел? Интересно, что же это такого я успел натворить, раз на меня ополчилась такая здоровенная куча людей?

– А что, собственно, случилось, уважаемый? По какой причине меня заковали в цепи и два дня держат на хлебе и воде?

За моей спиной возмущенно фыркнул тюремщик. Видимо, его оскорбил столь пренебрежительный отзыв о тюремной пище.

Мой собеседник удивленно поднял брови.

– Как ты говоришь, на хлебе и воде? Интересная мысль! Надо будет предложить это полезное новшество. В самом деле, зачем тратить хорошую еду на приговоренных к смерти?

– И кто ж меня приговорил?

– Этим здесь занимаюсь я. Пока еще не приговорил, но за этим дело не станет. На что ж ты рассчитывал, принимаясь душить добропорядочных граждан?

– Кого ж это я задушил?

Стражник вздохнул.

– Значит, будешь упорствовать?

– Конечно, буду. Никому не хочется помереть из-за чужих грехов. Может быть, хоть кто-нибудь скажет мне, кого я убил, зарезал, отравил?!

– А за тобой еще и такие фокусы числятся? – он удивленно покачал головой. – Ладно, раз уж так тебе хочется, начнем все с самого начала. Вилем!

Топот ног, и к стражнику подбежал трактирщик.

– Чего изволите, господин Брог?

– Расскажи-ка еще раз, как все было.

– Сей момент! Вот этот, – он кивнул в мою сторону, – пришел в трактир ближе к вечеру. Заказал поесть, пива и сидел почти час. Как раз в это время приехал господин Олли. Этот подошел к нему, и они долго о чем-то разговаривали.

– О чем?

– Не знаю, я не слышал. Мне кажется, спорили они о чем-то. Потом все ушли спать, а он, – ткнул Вилем пальцем в мою сторону, – сказал разбудить его рано, пока еще никто не проснулся.

– Ну, и что? Разбудил ты его?

– Разбудил. Конечно. Он оделся и ушел.

– Сразу ушел?

– Взял с собой кусок мяса и хлеб и ушел. А потом как стали вставать, приказчики господина Олли и увидели, что его самого в комнате нет. Стали искать и нашли его вон там, в ручье. В карманах пусто было, а тело в воду бросили, небось надеялись, что утонет. Ну, приказчики на лошадей и поскакали вдогонку. И через некоторое время привезли этого душегуба.

– Ну? – повернулся ко мне Брог. – И чего тебе еще надо?

– То есть? Это что – все следствие?

– Что-что? Какое следствие? Чего?

– Ну... я имею в виду, что больше никто в этом деле разбираться не будет?

– А в чем тут разбираться? Уважаемый человек обнаружил преступление, староста выслал погоню. Тебя поймали, привезли, что еще-то надо?

– То есть, как я понял, вы думаете, что это именно я убил господина Олли?

– А кто ж еще? Тут больше чужаков нет. А таких страстей в этой деревне уже лет двадцать как не было.

– Но почему именно я? Зачем мне это нужно?

– Да кто вас, пришлых, разберет? Мало ли...

– Может быть, имеет смысл посмотреть в вещах покойного? А вдруг там чего пропало?

Стражник повернулся к подошедшим парням. Среди них

присутствовали и все те, кто оглушил меня в лесу. Помимо них к нам подошло еще и некоторое количество местных жителей. Надо полагать, такие вот «развлечения» были тут нечасто.

– Эй, почтенные! А не пропало ли у вашего хозяина что-нибудь?

– Пропало, господин Брог! Только начали мы сегодня вещи укладывать. Чтоб сразу, как его повесят, и выезжать, так и нашли...

– Чего нашли?

– Ну... скорее, не нашли. Шкатулка пропала. Там господин Олли деньги держал.

– И много их там было?

– Так с десятков-другой золотых и было...

По толпе пронесся говорок, видать, сумма была серьезная.

– И куда ж ты их девал? – снова обернулся ко мне «дознатель».

– Я и вовсе их не видел. Даже и не знал про них ничего. Можете в моих вещах посмотреть.

– Хм... – покачал головой Брог. – Насчет твоих вещей... видишь ли, их, а особенно твой странный ящик, уже мельком осмотрели. И уж поверь мне, чего-чего, а двадцать золотых... это уж точно бы нашли. Железки твои... золота там нет, а все остальное никому не интересно. Значит, они спрятаны где-то недалеко. Я бы на твоём месте не упорствовал.

Иначе, сам понимаешь... под пыткой ты расскажешь все.

– Почему вы так упорно утверждаете, что убийца именно я? Кто-то же должен проводить расследование этого дела?

Стражник снова вздохнул и коротко объяснил мне систему здешнего розыска и дознания. По его словам выходило следующее.

Обнаружив преступление (хоть убийство, хоть кражу скота), староста сообщал об этом наверх. В данном случае – барону Хорну. Если имелись свидетели, обязательно из числа местных жителей (!), то указывался и виновник оного. В обязанности старосты входило задержать его и сохранить преступника и все его вещи до суда. Суд производился одним из стражников, а в особо трудных случаях – управляющим барона. Вещи преступника шли на выплату пострадавшему от преступления. Если их не хватало, расплачивалась родня или, в случае ее отсутствия, соседи. В случае же неимения явного преступника вира за преступление накладывалась на всю деревню. И выплачивалась в срок не более двух недель. Недонесение о преступлении каралось тюрьмой. В зависимости от тяжести преступления этот срок мог быть от полугода до... в общем, как решит барон. Особенно тяжело обстояло дело с колдунами. Или со всеми, на кого падало данное обвинение. Их ловили всей округой, не считаясь ни с чем. Жертвы, посевная, голодные дети – все побоку. Правда, за это дело обычно платил барон. И платил щедро.

– Подождите, господин Бруг... А разве есть свидетели то-

го, как я душил господина Олли?

– Вот, – показал тот на Вилема.

– Так он что, сам видел, как я его душил? Что ж тогда не помешал? Или на помощь не позвал?

– Сам не видел. Но он показал на тебя, ибо больше некому здесь совершить такое ужасное преступление. Ты чужак, и интересы общины для тебя – пустой звук. Никто из деревни не пойдет на такое убийство – кара затронет не только его, но и всю деревню. Поэтому, кстати, у нас так мало воров...

– То есть никто другой, кроме вас, не будет расследовать это преступление?

– Ты тупой? Расследование проведено старостой, и он назвал преступника – это ты! – палец Брога указал в мою сторону. – Староста лучше знает своих людей и отвечает за их поступки перед бароном. Если бы это был кто-то из местных – он уже стоял бы здесь, перед судом. Мое дело – осудить преступника и вынести приговор.

– Так... А мои слова – они что-то значат?

– Не в этом случае. По закону убийца должен быть казнен до того, как тело покойного предадут земле. И казнь состоится в его присутствии.

– То есть Олли еще не похоронен?

– Нет.

– Я могу увидеть его тело?

– Ты хочешь принести клятву перед лицом покойного? Адские муки тебя не страшат?

– Нет. Не страшат.

– Ладно... – Брог с интересом на меня посмотрел. – Пошли...

Тело Олли лежало на леднике у старосты. Погреб был вместительным и очень холодным. Дверь в него была заперта, и около нее скучал караульный – местный житель. Увидев процессию во главе со стражником, тот засуетился и бросился отпирать замок. Мы спустились в подвал. По знаку Брога принесли факелы, и стало светлее.

– Можно ли вынести тело на улицу? – спросил я, обращаясь к нему.

– Хочешь поклясться принародно? Хорошо... вынесите тело! – повелительно крикнул он, не обращаясь.

Тело Олли уложили на лавку около дома.

Я присел на корточки возле трупа. Посмотрим... Очередной экзамен по осмотру места происшествия. Только цена его в данном случае – моя жизнь.

Что там говорили – утонул? Или был утоплен? Неправда ваша...

– Господин Брог! – повернулся я к стражнику. – Вы много видели утопленников на своем веку?

– Не сказать, чтобы много, но... приходилось. А тебе-то что?

– Рот и нос у них обычно забиты тиной, пеной и так далее...

– Ну... может быть. И что с того?

– А у почтенного Олли этого нет!

– Ну и что? Прошло два дня! Все это могло уже высохнуть!

– Да? Все равно следы бы остались... Но, даже если он утонул, вода неминуемо осталась в его легких. Там она высохнуть не могла. Как быстро принесли сюда труп? – повернулся я к одному из людей покойного.

– Сразу же, как и нашли. Мы законы знаем...

– Как несли? Не переворачивали, не наклоняли вниз головой?

– Нешто можно так?! Как живого несли, бережно.

– Эй-эй, ты чего тут раскомандовался? – Брог осуждающе покачал головой. – А я тут на что?

– Вы – судья. Правильно я понял?

– Ну да.

– Так я не с вами спорю, а со старостой. Это же он дознание проводил?

– Хм! Гаор! – обернулся Брог к толпе. – Иди-ка сюда!

Из толпы степенно вышел немолодой уже мужик. Сдержанно поклонился Брогу и выжидающе на меня уставился.

– Продолжай! – повернулся ко мне стражник.

– Я вижу у вас меч. Можете ли вы вскрыть грудь покойного Олли?

– Это пахнет святотатством... Зачем?

– Если в легких есть вода – он утонул. Если нет – его сбросили.

сили в воду уже мертвого.

– И что это дает тебе?

– То, что Вилем врет. По крайней мере – в этом.

Брог относился к числу людей, не привыкших к слишком долгому размышлению. Меч молнией сверкнул на солнце, толпа глухо ахнула...

– Так кто был прав, господин Брог?

– Хм... ты удивил меня, чужестранец... Но это не снимает с тебя вины.

– Посмотрим... Где Вилем?

По знаку стражника тот вышел из толпы.

– Ну? – Брог снова повернулся ко мне. – Что ты еще придумаешь?

– Как вы полагаете, мог бы я унести тело господина Олли так далеко, как мне это приписывают? Он был весьма... породным человеком.

– Гаор! В твой огород камешек!

Староста цепко меня осмотрел. Пожал плечами.

– Ну... если не очень спешить... мог бы и донести.

– На вытянутых руках?

– Никто не смог бы этого сделать. Просто взвалил бы на плечо и унес.

– Спасибо. Господин стражник, можете ли вы подойти к телу покойного и посмотреть вот на это?

Мой палец ткнул в пряжку на ремне.

– И что здесь такого?

– А вот... – моя рука подцепила длинную черную нить. –
Что это?

– Из одежды вырвало...

– Из чьей?

Брог примерился.

– Того, кто нес его на плече. Вот за рубаху и зацепилось.

– Посмотрите на меня. Есть у меня хоть где-нибудь такая одежда?

– Нет...

– А у него? – ткнул я пальцем в сторону Вилема. Он был одет как раз в такую рубаху. – Может это быть нить из его одежды?

– Может... Вилем, что ты на это скажешь?

– Наглая клевета! Да и потом, господин Брог, староста уже все выяснил. Вам осталось только...

А вот это он зря сказал... Глаза у стражника потемнели, и я понял, что подобное высказывание со стороны трактирщика было, мягко говоря, неразумным. Кто он, и кто трактирщик? Слишком уж разный у них в обществе вес. Да, в деревне, возможно, что многие поддержат трактирщика. Он свой, и наверняка многие ему уже чем-то обязаны. Но у Брода явно более сильные позиции наверху. Иначе бы не разъезжал в таком качестве по деревням. А это перевешивает все доводы односельчан.

– Вилем... Не надо меня учить тому, что я и без тебя хорошо знаю, ладно?

– Но...

– Все! Итак, вот мое решение.

Толпа затихла.

– Поскольку обстоятельства убийства были выяснены не до конца, и при более внимательном рассмотрении дела стали известны новые подробности... – стражник обвел взглядом притихшую толпу, – я вынужден буду ходатайствовать перед бароном... о назначении сеньорального суда!

Так... А вот это – явно удар ниже пояса. Вон как многим сразу поплохело-то... Что ж это за зверь такой – сеньоральный суд? И с чем его едят?

– А ты, – повернулся ко мне Бруг, – не обольщайся. Твоя невиновность еще не доказана. Возможно, ты действовал и не в одиночку, как тебе такое решение?

– Плохо.

– Вот то-то! Это я парень простой. А вот как приедет сюда баронский управляющий... – стражник покачал головой. – Он господин солидный да ученый. Много чего знает. Оттого и не угадаешь, какое решение он может принять. У ученых господ мозги иначе, чем у нас с тобой, устроены. Да и кроме того...

Он вкратце пояснил мне, чем же отличается его суд от суда баронского управляющего. Бруг имел право приговорить к смерти того, чья вина доказана, или освободить, буде сочтет доказательства недостаточными. Мог дать до трех лет

тюрьмы. Мог оштрафовать – до пяти золотых включительно.

Все же серьезные и неоднозначные случаи расследовала более важная инстанция. И приговоры у них были значительно тяжелее, чем у суда стражников.

– Сам понимаешь, человек он занятой, мотаться по деревням некогда. Но ведь нужно же! Вот и выносит такие приговоры, аж душа в пятки бежит! А как же иначе-то? Народ должен понимать, что доводить дело до такого суда – себе дороже! А если учесть, что он и другими делами заинтересоваться может... Оттого и не любят тут подобных гостей. Он шутить не будет. Так что... не обессудь, но и на костер ты можешь попасть, и на кол сесть...

– За что? Я ж никого не убивал? Да и нитка эта, вода в легких...

– Никому ничего не доказывает. Ты – чужак! И уже хотя бы и поэтому подозрителен.

– Хм. А если бы я сидел у себя дома, а Вилем шел бы мимо... В таком же случае как было бы?

– Тогда уже он был бы чужаком. Уловил?

– Да... лучше дома сидеть...

– И правильно! Господь указал тебе подобающее место еще при рождении, кто ты такой, чтобы оспорить его волю? Сиди на своем месте и работай! И будешь цел, сыт и в безопасности. А ты мне – вода! Нитка! Да много ли ты видел мертвецов, чтобы знать, что у них и как бывает?

– Ну... если отсюда и в том направлении, – показал я на

трактир, до которого было около ста пятидесяти метров. – Уложить в рядок всех мертвецов, к которым я только руками прикасался... Авось и влезут... Может быть...

– Ничего себе! – покачал головою Брэг. – Что ж у вас там, откуда ты пришел, за ужасы такие происходят?

– Да ничего особенного не происходит. Живем мы так...

– Ну и жизнь у вас там! Где же это веселое место?

– Москва называется. Город большой.

– Судя по тому, что ты рассказал, я по этому городу, иначе как с мечом в руках, и не ходил бы. Я вон солдатом пять лет отвоевал, так и то столько мертвяков потрогать не довелось. Ты там, случаем, не палачом трудился?

– Да нет. Я вообще-то человек мирный...

– Однако! Мирный, говоришь? Хотел бы я на ваших солдат тогда посмотреть...

Я вспомнил ребят-первогодков на городском сборном пункте, потом представил себе Витьку Петрушевского – командира нашего ОМОНа, моих сослуживцев по Афгану и покачал головой.

– Они у нас тоже... разные бывают.

– Ну, так солдаты всегда разные! Каждый в чем-то хорош, а в чем-то не очень. Ладно. Я распоряжусь, чтобы тебя накормили по-человечески. Когда еще приедет управляющий? Не с голоду же тебе теперь помирать? Мало ли что он придумает? Так что лучше тебе быть покрепче...

– Так я и не против. Всегда лучше быть сытым и здоро-

вым, чем голодным и больным.

Стражник хлопнул меня по плечу.

– Ты мне нравишься! Другой на твоём бы месте уже мирно висел бы на солнышке. А ты дерешься за свою жизнь! Надо же... никогда бы не подумал, что у утопленника в легких может быть вода... Выходит, его убили где-то еще, и в воду скинули уже мертвого? Ну что ж... молодец, что не дал мне допустить ошибку. Хотя... все зависит от управляющего, он может счесть все эти слова пустой отговоркой...

Глава 4

Вот уже второй день я сижу в прежней своей камере. Голова уже так сильно не болит, даже спать я стал более-менее нормально. Времени на раздумья хватало, и мысли мои начали выстраиваться в какое-то подобие упорядоченности. Это не Россия, ясно и ежу. Вообще, похоже, что здесь про нее и слыхом не слыхали. Тогда... вывод остается только один – меня занесло в неведомую даль. И в невообразимую древность. На первый взгляд, что-то типа шестнадцатого-семнадцатого века в нашей истории. Одежда и вооружение Бруга примерно к этому времени и относились. Как я сюда попал? А не один ли хрен? Как теперь отсюда вылезти – вот это значительно важнее. Значит, задача номер раз – вылезти из камеры на свободу. Все остальное будем решать после этого. Средние века – значит, средние. Так для начала и порешим...

Бруг не соврал – кормежка значительно улучшилась. А вот отношение ко мне ухудшилось, и значительно. Мой тюремщик смотрит на меня с открытой неприязнью. И его вполне можно понять. Видимо, приезд сюда баронского управляющего чреват дополнительными неудобствами для всей деревни. Ну да, он же не один прикатит? С целой сворой сопровождающих, это уж и к бабке не ходи. И всех их надо накормить, разместить и ублажать. И все – на халяву.

А и хрен бы с вами со всеми! Я не напрашивался. Незачем было меня подставлять. Никого не трогал, шел мимо... И если тут отыскался неведомый душегуб, то все свои претензии местные могут ему и предъявить. Когда найдут...

На третий день меня снова вывели на улицу. Сопровождающих на этот раз было больше. К подручным кузнеца прибавились два крепких парня в кольчугах, шлемах и с мечами у пояса. Ага... это значит, что прибыл управляющий, а эти парни из его свиты.

Так оно и оказалось.

На площади был сооружен помост с навесом, и на нем важно расположился немолодой уже мужик в черном камзоле. Одежда была подогнана по фигуре и красиво отделана серебряными кружевами. Вот как, тут уже умеют их делать? Не совсем, значит, тут средние века, раз знакомы с такими ремеслами... Лицо у мужика было на вид аристократичным, и за ним угадывалось приличное количество благородных предков.

– К господину Гарту обращаться – «Ваша милость», – прогудел у меня над ухом один из сопровождавших солдат. – Понял?

– Понял.

– То-то!

За спиной управляющего стоял Брэг. На этот раз он был в панцире, поножах и наручах. Эх вырядился-то! Шлем его был начищен и блестел. Ну да, он ведь ныне не сам по себе, а при важной особе. Должен соответствовать. И внушать.

Вокруг площади толпилось изрядное количество народу. Надо полагать, тут было население не только этой деревни, но еще и соседи пожаловали. Ну да, кому-то хлопоты, а кому-то зрелище. Не каждый же день тут такие судилища происходят?

Меня вытолкнули к помосту. Подручные кузнеца остались в толпе, а по бокам стояли только солдаты. Рук не развязали. Толчком меня вынудили встать на колени.

– Как тебя зовут, незнакомец? – соизволил обратить на меня свое внимание Гарт.

– Ершов, Александр Николаевич.

В его глазах мелькнул огонек интереса.

– Дворянин?

Ага, так это он за фамилию зацепился! Простолюдинам такое вроде бы как не полагалось. А сойду ли я за такового? Капитан милиции – как это будет соответствовать хотя бы и Петровской табели о рангах? Будет соответствовать. Да и кто меня тут проверит? Документов в это время еще не изобрели, о паспортизации населения тут, похоже, и не слыхивали вовсе. Накажут за самозванство? Так не строже же, чем за убийство, надо полагать? Вообще, по одежке я уж точно на крестьянина не машу.

– Да, ваша милость. Дворянин. Но наш род обеднел...

Я последний, кто остался.

– Воевал? Служил?

– Да. И то и другое.

– Где и кем воевал?

– Далеко отсюда... в Афганистане.

– Не знаю такого места... Кем был в армии? Кто командовал?

Кому соответствует замкомвзвода в нынешнем времени?

– Заместитель командира полусотни пехотинцев. Командовал нами полковник Громов.

Брог уважительно покивал головой.

– Слышал о таком? – повернулся к нему управляющий.

– Точно не скажу... Вроде бы приходилось что-то такое слышать... Может быть – Гарам? Про него слышал. Говорят, серьезный был командир. Погиб он, лет пять уже прошло...

– Ну ладно. Это не так важно. А служил после кем?

– Помогал искать и ловить преступников. В Москве.

– Стражником был? Что же не остался на этом почетном месте?

И что я ему скажу? После моего рассказа, если и не повесят, то в психушку закатают на веки вечные. Хотя... психбольниц тут еще нет... Тогда, скорее всего, все же повесят.

– Сопровождал судью (а ведь по местным меркам наш следак – почти что судья!) в дальней поездке. На нас напали, меня ударили по голове. Очнулся вдали от знакомых мест,

связанный, в чужой повозке. Ночью удалось бежать...

– Хм... Ну... все может быть...

По знаку Гарта к помосту подвели Вилема и тоже поставили на колени.

Управляющий оглядел нас и удовлетворенно кивнул.

– Итак! Я, Годафрин Гарт, рассмотрел данное дело и установил следующее. Убитый торговец Олли действительно был сброшен в воду уже мертвым. Осмотром его тела удалось установить причину смерти... – Управляющий обвел внимательным взглядом притихшую толпу. – Он был отравлен!

По толпе пронесся вздох.

– Задержанный по указанию старосты незнакомец, имеющий себя Алексом Ершем, свою вину в убийстве не признал. Более того! Он обвинил в этом трактирщика Вилема, жителя вашей деревни. Косвенным доказательством этого служат и обнаруженные на теле покойного улики.

Толпа затихла совсем. Слышно было, как вдалеке чирикают птички.

– Которых однако недостаточно для того, чтобы оправдать Алекса Ерша, так и для того, чтобы обвинить Вилема.

Управляющий сделал паузу.

– И потому предоставленной мне властью объявляю! Для установления истины в этом деле мною назначается... Божий суд!

За моей спиной послышался дружный выдох.

– Суд произойдет здесь же! Оба поединщика не могут вы-

ставить вместо себя защитников. Они могут драться только своим собственным оружием. Белым оружием! Они не имеют права выходить за пределы площади. Не могут использовать колдовство и магию. Не могут прибегать к уловкам и чьей-либо помощи. Не могут заменять сломанное оружие. Нарушивший эти условия будет признан виновным! При попытке бежать или уклониться от боя виновный будет убит на месте арбалетчиками.

За спиной послышались щелчки – арбалетчики заряжали свое оружие.

– Поединок будет продолжен до смерти одного из поединщиков! Все! Я сказал!

Моих рук коснулось железо, веревки были разрезаны. Солдат похлопал по плечу и жестом предложил мне встать на ноги. Брог спустился с помоста и подошел ко мне.

– Ну вот, видишь, как все обернулось? Не так уж и плохо, в твоём-то положении?

– Да уж...

Я покосился на Вилема. Тот стоял, разминая руки. К его бедру был прислонен немаленький обоюдоострый топор. Рукоятка его завершалась копейным острием.

– Ну да, он же в прошлом солдат, как и ты. Накопил денег, вот и открыл тут харчевню.

Но... у меня же нет своего белого оружия... Разве что

складной нож... или вот... ломик еще есть... Ножовкой по металлу и молотком тоже не очень отмахаешься от такого топора.

Тесак! Вот он был бы весьма кстати!

– Подожди... Брог, в моих вещах должен ведь быть мешок? Он цел?

– Разумеется! Кто же тронет вещи подсудимого до приговора?

– Я могу его получить?

– Да, твои вещи сейчас принесут.

В голове тут же всплыла картина показательного расстрела из АПСа как самого Вилема, так и тех, кто попытался бы мне в этом помешать. Но... я помнил слова Брода о колдунах... В том, что это признали бы колдовством, да еще и прилюдно совершенным, сомнений не было никаких. Стало быть, меня начали бы гонять всей округой. Да и не факт, что против полутора десятков арбалетчиков пистолет будет очень эффективным оружием. Даже если я и положу большую часть своих противников, оставшиеся быстро превратят меня в подушку для булавок...

Откуда-то сбоку вывернулся еще один солдат. Он тащил мой «кюлленберг» и вещмешок. Положив все это к ногам Брода, он остался стоять рядом.

– Вот, – кивнул мне стражник головой. – Можешь выбирать.

С сожалением отодвинув в сторону кобуру с пистолетом,

я подпоясался ремнем с подсумками и, развязав бывшую сумку, вытащил оттуда сверток с тесаком. Еще в лесу я завернул его в обрывок ткани, который там же, в сумке, и лежал. Меня не прельщала перспектива порезаться об тесак, лежащий у меня за спиной. По этой же причине я надел на его острое кусок деревяшки. А то еще пропорет сумку... Вот теперь я только что и мог, как воздать хвалу собственной предусмотрительности. Развернув ткань, я вытащил на свет божий тесак и повертел его в руке, принаравливаясь к балансу...

Сдавленный вздох!

И около меня стало пусто...

Брог и солдат оказались в паре метров от прежней позиции. Стоявший за спиной солдат тоже куда-то отскочил.

Наступила тишина.

И в этой тишине проскрипели по помосту сапоги Гарта.

– Что там у вас, Брог?

– Вот... ваша милость... извольте посмотреть, – и стражник указал на клинок в моих руках.

Гарт неожиданно легко прыгнул на землю и подошел поближе. Глаза его удивленно расширились.

– Надо же... вот уж не ожидал увидеть его своими глазами. Ну-ка, уважаемый, – обратился он уже ко мне. – Покажите-ка мне эту... вещицу. Нет-нет! Из своих рук!

– Да ради бога...

Клинок как клинок. Сантиметров семьдесят или около того. Обоюдоострый. Колющее острие слегка приподнято над средней линией клинка. Широкая гарда и примитивная, явно не родная, деревянная рукоять. Сейчас, на ярком свете, он уже не выглядел потасканным и очень старым. Металл отливал синевой, подчеркивая очертания рун. Освобожденное от наколотой на него деревяшки острие смотрелось хищно и недобро. Баланс клинка был великолепен, видимо, его основание каким-то образом было специально утяжелено.

Не прикасаясь к оружию, Гарт обошел меня со всех сторон, рассматривая не только клинок, но, по-видимому, и меня заодно.

– А скажите, уважаемый, на вас одета вся ваша одежда? Или есть еще что-нибудь?

Интересные перемены однако! Я вдруг стал «уважаемым»! С чего бы это?

– Да, есть еще одежда. Вот там лежит, – указал я клинком на скатку с шинелью.

– Наденьте ее, пожалуйста.

– Не проблема, – положив клинок на чемодан, я распутал и развернул скатку. Надев шинель в рукава, повернулся к управляющему.

– Так?

– Спасибо. Да, все так, как и должно было быть... Серая одежда и Рунный клинок... да, все правильно. Позвольте мне первому приветствовать вас, милорд Серый рыцарь!

Нихренаськи... а ведь он вполне серьезно это говорит. Вон и стражники закивали. Что это за хрень я держу в руках? Серый рыцарь... Кто это такой? Похоже, что большой и горячей любовью здесь этот персонаж не пользуется, вон как мужики насупились...

– Но, ваша милость...

– Гарт.

– Хорошо, Гарт, я, к сожалению, не очень себе представляю... всех своих обязанностей, связанных с обладанием... данным клинком.

– С вашего позволения, я вернусь к этому чуть позже, вы не возражаете?

– Нет, конечно... но...

– Вилем! – повернулся управляющий к трактирщику. – Ты все еще настаиваешь на своей правоте?

Тот судорожно сглотнул слюну и кивнул.

– Да, ваша милость. Я подтверждаю свои слова. Я невиновен.

– Ну что ж... ты знаешь, чем рискуешь... Освободите площадь! – повернулся он к крестьянам. – Быстро!

Толпа раздалась в стороны, будто на нее плеснули кипятком.

– Прошу вас, милорд. – Гарт учтиво указал рукой на площадь.

– Я могу снять шинель?

– Что?

– Мои серые одежды.

– Разумеется! Это всего лишь церемониальное облачение для судопроизводства. В битве оно не требуется.

Крутанув в руке клинок, я шагнул вперед.

Вилем уже ждал меня, покачивая в руках свой топор. Да... оружие серьезное... Что там Бруг говорил? Солдатом был? Надеюсь, он там не этим топориком махал? Трактирщик крутанул в руке топор, и его лезвия слились в один сверкающий полукруг. Этим... хреново, топор в умелых руках многого стоит.

Прикинем. Он тяжелее меня и старше. В драке наверняка уже давно не участвовал, значит, с выносливостью у него не очень. Руки крепкие, еще бы, он ими столько ворочает. Ноги... скорее всего, ноги тоже на уровне. А вот прыгает он хуже, это уж точно. Жаль, что тут прыгать некуда.

Вилем нетерпеливо шагнул вперед.

Значит, так: топор – оружие для боя на средней дистанции, стало быть, он будет строгать из меня лучинки, не особо приближаясь. Клинком я его так не достану, и он должен это понимать. Какая у него манера боя? Будет ждать удобного момента? Или станет сразу меня пластать?

В-в-ж-ж-и-х! В-в-ж-ж-и-х!

Сверкающие полукружия, описанные лезвиями, по горизонтали качнулись вправо-влево. Сразу решил распластать.

Отчего?

Не уверен в себе?

Устал?

Не похоже.

Бойтся?

А вот это уже вернее. Вон он как за клинком смотрит.

Для проверки я перебросил клинок в левую руку. Назад.

Снова в левую.

Точно, смотрит на клинок.

Что же у меня в руках?

Трактирщик уже был достаточно близко. Ладно, стоять на месте негоже, для начала потанцуем. Так, влево-вправо... Не купился? Опытный солдат, так он меня и к краю поля прижмет, а я еще не решил, как его брать... Тьфу ты, черт! Вот брать-то мне его как раз и не надо.

Средняя дистанция боя...

Сократим?

Шаг вперед, проворот...

В-в-ж!

Копейное острие на рукояти прошло в паре сантиметров от моего лица, я еле успел уйти от удара.

Кувырок вбок, на ноги...

Где он?

Здесь...

Прет на меня с неутомимостью тяжелого танка.

Плохо... секирник он явно не из последних. Как он меня, а?! Чуть-чуть не наколол... уважаю... да уж, этим топориком

он точно не дрова рубил.

Подкат!

Хрясь!

Тяжелое лезвие врубилось в грунт на моем пути. Не от-
верни я в сторону, он мне точно что-нибудь да отрубил бы.

Снизу его тоже не взять.

Сверху?

Летать не умею, увы... Да и это бы не сильно помогло. Вон
он как ловко оружием вертит, мастер, и неплохой.

Пляшем дальше... А особо-то и некуда. Вон уже и грани-
ца площади. А там и стрелки... будут ли они стрелять в Се-
рого рыцаря? Будут, это же Божий суд. Да, хреновато...

Уловив момент, когда сверкающее лезвие пронеслось ми-
мо моего лица, я шагнул было вперед...

И еле успел вернуться назад!

Изменив на полуходе направление, топор резко вернулся
назад!

Вот это реакция!

Так, похоже, что я его тактику разгадал...

Вилем стремился вытеснить меня за границу площади,
а там... там арбалетчики сочтут это за попытку уклонения
от боя. Я уже об этом думал...

Звяк!

Мой клинок высек искры из пролетевшего направо лез-
вия.

Трактирщик только усмехнулся.

Звяк!

Еще раз, только в другую сторону.

Звяк!

Вилему надоело со мной играть, и он выбросил в мою сторону рукоять с копейным острием.

Красиво он стоял...

Чуть изогнувшись влево, руки выброшены вперед, в попытке нанизать меня на острие. Сверкающие лезвия топора прижаты к левому предплечью... рубящего удара уже не сделать, надо отступить хоть на шаг. Вот уж хрен!

Звяк!

Подправленное ударом клинка острие устремилось еще дальше вперед.

Шаг вперед.

Поворот вокруг правой ноги (спина почувствовала локоть руки Вилема).

Удар левой рукой в его плечо.

Трактирщик стоял в шаге от границы поля.

Сверкнул на солнце клинок!

Лопнула на плечах разрубленная рубаха Вилема...

Спасаясь от следующего удара, ослепленный болью в разрубленных мышцах, он выронил топор...

Сделал шаг вперед.

Еще один...

В-ж-ж!

И на его спине выросли деревянные иглы.

Арбалетчики не промахнулись...

Глава 5

Я повернулся и пошел через поле к помосту. При моем приближении арбалетчики расступились и освободили дорогу. Своего оружия они, кстати, не перезарядили – хороший знак!

Тесак мне убирать было некуда, и я просто сунул его за ремень, предварительно протерев от крови. Подойдя к помосту, поднял голову и посмотрел на управляющего.

– Все?

– В смысле – все?

– Суд закончен?

Он приподнялся с кресла и подошел к краю.

– Жители деревни Верхний Лес! Вы все видели, к чему приводит пренебрежение установленными законами! Такая и даже еще более тяжкая кара постигнет всякого, кто отступит от установленного порядка! Идите по своим домам и помните это!

Посмотрев на расходящихся крестьян, Гарт повернулся ко мне.

– Я вижу, милорд, у вас есть вопросы?

– С вашего позволения.

– Тогда... пройдемте в харчевню. И, хоть ее хозяина больше с нами нет, еда там еще осталась. Мои люди приготовят что-нибудь. Вы ведь, наверное, голодны?

Надо отдать должное расторопности его свиты. Мы еще не успели дойти до дома, а там уже хозяйничали люди управляющего. Нам принесли пива. Не того пойла, которое я тут уже пробовал, а вполне приличного пива. Не «Хайнекен», но на настоящее пиво уже похоже. Гарт по-хозяйски расположился во главе стола, заняв лучшее место. Черт с ним, мне и сбоку неплохо.

– Итак, Гарт, что означает этот клинок? Чем он знаменит? И кто такие эти Серые рыцари?

– Считается, что убитый ими человек попадает прямо в ад!

– Сразу и без пересадки? Независимо от его прочих заслуг и поведения?

– Пересадка?

– А! Не обращайтесь внимания, это так... к слову пришлось...

– Именно так все и обстоит. Никакие заслуги в прошлом не влияют на то, куда попадает человек, убитый Рунным клинком.

– А это известно достоверно?

– Так говорят... Никто, как вы понимаете, не проверял.

– Хорошо... А дальше?

– Ничем другим этот клинок не знаменит. Единственное, что он дает своему владельцу, так это возможность понимать речь других людей. Все.

– То есть в остальном – это обычная железка?

– И да и нет. Клинок нельзя сломать. Совсем. Он не тупится, его не надо точить. Его невозможно расплавить и перековать. Нельзя украсть. Хозяин рано или поздно его опять обретет. Как – не знаю.

– Это все?

– Не совсем. Пока у вас с собой этот клинок, вам никто не откажет в приюте и в еде. Серого рыцаря примут в любом доме.

– Неплохо!

– Не торопитесь. Это отнюдь не следствие горячей к вам любви и уважения.

– То есть?

– Считается, что Серые рыцари борются со злом... так это или нет, никто точно не знает. Но вот искоренять зло – это прямая обязанность Серого рыцаря. А положи руку на сердце – кто из нас безгрешен? Достойны ли мои поступки внимания Серого рыцаря? А если да? А все ли мои домочадцы без греха?

– Круто... не ожидал...

– Поймите здешнего крестьянина. Его жизнь и так нелегка. Заработок его, как правило, скуден и недостаточен. Если он сможет украсть – украдет непременно. И вот приходите вы... в ваших глазах его воровство непростительно. Должен ли он вас любить?

– Ну... не должен, я полагаю.

– Тогда учтите еще и то, что вас всегда будут хотеть убить!

– За что?

– Вас мало. За всю жизнь крестьянина второй такой же гость в его ворота может и не постучать. Да и кроме того... не каждый осудит человека, напуганного столь страшной перспективой. Адские печи, знаете ли... хороший аргумент. Крестьянину, да и не только ему, ваша правда не нужна. Ему важна только выгода для него и его семьи. А достичь ее только по закону... способен далеко не каждый.

– То есть, если бы Вилем меня убил...

– За вашу смерть никто не стал бы мстить. Даже я.

– Но я ведь не запрашивался на эту должность!

– Достаточно ОДИН раз взять в руки меч для нападения или защиты. Если вам это удалось – меч признал вас хозяином. Все. Обратного пути нет.

Звякнувшая по клинку пуля... защита, как ни поверни.

– Вас не любит Церковь. Во всяком случае, ОЧЕНЬ не любила до недавнего времени. Потом... как-то договорились. Двоих посмертно даже канонизировали!

– Да уж... перспектива... Остается только в берлогу залезть, да там и жить.

– Это еще не все.

– Да вы мне тут уже сколько понарасказывали...

– Закончу и вовсе нерадостно. Вы, Алекс, не имеете более права на ошибку. Любое ваше несправедное деяние – и в ад попадаете уже вы!

– Ничего себе перспектива!

– Вот и подумайте, кому охота иметь рядом с собой человека, способного либо отправить тебя в ад, либо угодить туда самому. Так что не обольщайтесь мнимым радушием. Вас тут никто не ждет, не любит, и никому вы здесь не нужны.

– Совсем никому?

– Ну... бывают исключения, не спорю. Но я не помню сам и не слышал от кого-либо еще, хоть об одном Сером рыцаре, который был бы счастлив в своей жизни. Они все погибают. Рано или поздно, так или иначе. У них нет семьи, дома, даже друзей – и тех нет.

– Зачем же тогда они приходят?

– А вот этого я не знаю. Вам надо поспросить у отцов Церкви, может быть, они знают что-нибудь. Могу сказать одно. Насколько можно верить легендам, Рунный клинок не попадает к человеку случайному. Мы знаем о случаях, когда такой человек отказывался взять клинок в руки. Даже и для защиты своей жизни.

– И что же?

– Он погибал. Всегда. И очень быстро.

– Однако...

– Такова жизнь, милейший! Не я придумал эти правила.

– А кто?

– А я знаю?

– Так что же теперь получается, я должен днем с огнем искать неведомых злодеев повсюду? А найдя – тут же искоренять?

– Относительно того, что вы должны, а что нет – вопрос не ко мне. Я этого не знаю. Да и мало кто вам тут может помочь. Никакого писаного закона конкретно для вас нет. И никогда не было. Но вот пройти мимо беззакония вы не можете, обязаны вмешаться. И трудно сказать, кто в ваших глазах будет виновным...

– А что вообще о них, в смысле – о Серых рыцарях, известно?

– Практически ничего. Появлялись они не так уж и часто. И всегда это были люди издалека. Почти никто из них ничего о себе не рассказывал, может быть, просто не помнили? Или у них были причины молчать? Никто из них не прожил достаточно долго, чтобы поведать о себе хоть что-нибудь интересное.

– А что же они тогда делали? Служили где-то?

Гарт хмыкнул. Поставил на стол пустую кружку, которую тут же утащил кто-то из его подручных.

– Я вот как-то даже и не представляю себе владельца, который рискнул бы взять себе на службу такого... – он развел руками.

– Почему?

– Вы неуправляемы.

– Я?

– Я имею в виду Серых рыцарей. Им нельзя приказывать сотворить что-то, идущее вразрез с их понятиями. Пример Корвуса Второго научил многих...

– И что же он натворил?

– Не он. Король взял такого рыцаря ко двору. Он мирно прожил там около года. Ничем не выделялся и никому не мешал. Иногда исчезал на пару-тройку дней. К нему все привыкли. Однажды король повелел казнить одного из своих вассалов. Дело, в общем-то, обыденное. Тот в чем-то провинился. А он был богат, и дочь у него была... очень красивая! Корвус предложил ей стать королевской любовницей. Так сказать, расплатиться за отца. Вы меня понимаете?

– Вполне, – пожал я плечами. – У нас в городе такое сплошь и рядом.

– Вот видите? А тот, я имею в виду рыцаря, вдруг воспротивился этому. И предложил королю отпустить девушку и извиниться перед ее отцом. Это королю-то!

– И чем же все закончилось?

– Король кликнул стражу. Он, естественно, не желал рыцарю зла. Но, сами понимаете – оспорить королевский приказ принародно... О том, что было дальше, точных сведений нет, увы... Но на следующий день на кладбище появилось восемнадцать свежих могил, а на трон взошел брат короля. Рыцаря же после этого никто больше не видел...

– Он что, был таким великим мастером фехтования?

– А... так вы же не знаете... Кстати, я оценил ваш поступок! Вы ловко подставили Вилема под стрелы арбалетчиков! Не хотели его убивать сами, да?

– Не хотел.

– Это заметил не только я! Но, увы, все это было напрасно. От ран, нанесенных Рунным клинком, не выживают.

– Почему? Он что, отравлен?

– Нет. Но ни один раненый не прожил более нескольких минут. Даже если ему просто поцарапать палец.

– Хм... А я его просто так за поясом ношу... Даже ножен нет.

– Да им сейчас можно в зубах ковырять, извините за прямоту! Он опасен только в ваших руках и более ни в чьих. Не спрашивайте меня, почему – не знаю.

– Ничего себе!

– А вы думали! Вообще некоторым из вас можно было бы ставить памятники. Именно Серые рыцари уничтожили орден Молчащих братьев – жуткую организацию наемных убийц, которые более ста лет держали в страхе даже королей. Не говоря уж о властителях поменьше рангом... Правда, это заняло у них очень много времени и стоило жизни семерым рыцарям. Но и выкрутасов вроде короля Корвуса у вас тоже хватало. Только не столь масштабных, слава Богу...

– Кстати! А почему Серые? Не Белые и не Зеленые в крапинку?

– Да... как-то само собой прилипло... У всех рыцарей есть серый плащ, куртка, или вот, как у вас... В общем, что-то серое или сероватое в одежде всегда присутствовало. Вроде как отличительный знак, так, наверное? Ну и Церковь тут свое слово сказала, как же без нее?

– А они-то здесь что усмотрели?

– Где-то в старых книгах нашли упоминание о Серых Ангелах, тех, которые не приняли участия в битве между Богом и Сатаной. Они остались на земле и живут между людьми. Понятно, что это не более чем легенда, но ведь красивая же! Вот и вас обозвали Серыми, мол, стоите между Добром и Злом. И отделяете одно от другого. Это, правда, они только после канонизации одного из рыцарей объявили. А до этого рыцарей так называли вполголоса, в основном, именно из-за цвета одежды.

– Спасибо! Хоть растолковали, что к чему...

Мы просидели с ним еще долго. Слуги несколько раз меняли нам посуду и приносили пиво. Гарт оказался человеком образованным и любознательным. Даже читать умел! Наверное, именно поэтому и занимал столь высокий пост. Он многое мне рассказал об этом мире и его особенностях.

Это, как и следовало ожидать, не Россия. И вообще, как я понял, не Земля. Планета эта называется Алор. Ее истинных размеров никто не знал. И особенно не интересовался. На дворе, если соотносить с нашим временем, стоял самый кондовый семнадцатый век. С небольшими отличиями, разумеется. Научный прогресс тут шел вяло, даже военное дело развивалось как-то неторопливо. Во всяком случае, бомбарды уже успели изобрести. Правда, они еще не получили особенного распространения. Вообще, процесс развития

осадного оружия оказался неожиданно медленным. Почему? Гарт не знал.

Монархия тут, как правило, абсолютная. Никаких Генеральных Штатов и иных подобных контор тут нет. И никому до этого нет никакого дела. Есть при короле какое-то количество преданных лично ему влиятельных дворян, они и рулят всеми остальными. Никакими законами это не регламентируется. Отношения между крестьянами и дворянством — ну прямо как в средневековой Японии. Дворянин по отношению к крестьянству может почти все! А крестьянин вынужден молчать в тряпочку...

Крупных империй нет, сейчас нет. Королевств, герцогств — всяких хватает. И больших, и маленьких. Море тоже имеет место быть. Но про него Гарт знал мало — не интересно ему. Естественно, все понемногу друг с другом воюют. Иногда один на один, иногда толпами. Основная боевая сила — рыцарство. И арбалетчики. Их тут много, и они весьма ценимы властью. Составляют даже отдельную... и не знаю, как обозвать... что-то типа касты или средневекового цеха, что ли. Наемной тяжелой пехоты, в большом количестве, как у нас, нет.

Торговля тоже имеет место быть. Купцы и прочие торгаши являются свободными людьми и могут быть весьма влиятельными персонами. Вольных городов нет, и никаких средневековых республик не имеется. Были отдельные попытки, но про них управляющий упомянул как-то мельком. Из чего

я сделал вывод, что и эта тема его особо не волнует. Или же, что вернее, он не хочет об этом говорить.

Странное у меня сложилось об этом мире представление. Сонный он какой-то... Или это первые впечатления у меня такие? Я же так мало о нем, в сущности, знаю. Гарт, хоть и умный человек, но тоже не всезнайка. Его интересы, в основном, ограничены интересами его баронства и прилегающих земель. И с этой точки зрения он и прокачивал меня сейчас, пытаясь ненавязчиво выяснить мои планы на будущее. Надо отдать ему должное, делал он это ненавязчиво, но очень умело. Кстати говоря, надо будет потом перелопатить сообщенные им сведения и под этим углом зрения. У него ведь тоже свои интересы есть. И он может попытаться использовать в этом плане и меня... Я же ведь так и не определился до конца – кто я тут и зачем вообще здесь нужен?

Свое место в этом мире мне еще предстояло отыскать.

Ловить местных бандюков и негодяев, откровенно говоря, душа не лежала. Хватит уже, еще дома наскакался. Покоя хочу, может быть, даже женюсь... А что? Мужик я еще не старый, по местным меркам видный. Правда, денег нет... Ну, да это дело наживное. Клинок этот запрячу подальше, пусть лежит себе и не смущает окружающих. Не будут же мерзюки сами меня разыскивать? А значит, из этих краев надо делать ноги, и поскорее...

Мы просидели с Гартом почти до ночи. Он еще многое по-

ведал мне, потягивая пиво. Напоследок управляющий ненавязчиво поинтересовался – как долго я еще собираюсь здесь находиться?

– Да я как-то... и не думал над этим. В город вот хочу поехать. Может быть, кто поедет и подвезет. Неохота пешком топать.

– Так возьмите телегу Вилема! Он проиграл вам на Божьем суде, и вы имеете право взять себе из его имущества все, что не конфисковано в пользу барона.

– Вот как? Не знал... А что же будет конфисковано?

– Сам трактир. То есть дом. А из дома вы имеете право забрать все, что вам будет нужно. Это же касается и личного имущества покойного. Если бы он пал от вашей руки, то и дом перешел бы к вам. А так... формально его убили мои стрелки. За нарушения правил проведения суда.

– Да бог с ним, с домом-то! То есть я могу тут еще денек пожить?

– И больше можете. Пока еще барон найдет нового трактирщика... вернее, того, кто купит у него этот дом. Только вот ухаживать тут за вами некому, и еду готовить никто не будет. А есть в крестьянских домах... – Гарт поморщился. – Не советую...

– Спасибо! Воспользуюсь вашим советом.

Мы распрощались.

Управляющему отвели самую лучшую комнату в доме,

его челядь заняла остальные еще раньше, выселив из них приказчиков покойного купца. Мне осталась только комната самого Вилема.

Поднявшись на чердак, я обнаружил, что большая его часть была занята помещением самого трактирщика. Эта комната располагалась посередине, а всякие подсобные клетушки окружали ее по бокам. Странная планировка. Хотя, что я знаю о строителе данного дома? Может быть, тут так принято?

Уже развалившись на кровати, я вдруг услышал чьи-то голоса. Странно, тут вроде бы потолки достаточно толстые? С чего бы это вдруг?

Приподнявшись, я стал осматривать комнату.

Да уж, кем бы ни был Вилем, а получил он по заслугам!

В полу оказались просверлены отверстия – практически во все комнаты второго этажа. Обычно они затыкались длинными, вырезанными точно по диаметру отверстий, пробками. Но вот одну из них Вилем на место не вставил, что и позволило мне услышать разговор слуг.

Вот те и трактирщик!

Солдатом был?

Это в каких же войсках?

Не в «лесных братьях» ли хаживал?

Сон как рукой сняло, и я занялся планомерным обыском помещения. Тут до меня прошлись люди Гарта, но уж коли они и дырку в полу зевнули...

Первый тайник я обнаружил в кровати. Одна из досок оказалась полой и при простукивании звучала иначе.

Пять золотых монет.

По местным меркам – очень даже нехило.

На первое время мне этого хватит.

Но азарт уже не давал мне остановиться. Разбив все помещения по квадратам, я приступил к планомерным поискам. Да уж, если века тут средние, то и мастерство устроителя тайников навряд ли превзойдет общий уровень развития. Не с обученным криминалистом вам тягаться, ребятаки...

Выдолбленный косяк двери явил на свет божий неплохой кинжал в богатых ножнах.

Тайник в потолочной балке предоставил в мое распоряжение добротную, хорошей выделки, кольчугу. Такую вещь и в наше время с руками оторвали бы. Пригодится, размер почти что мой.

Двойное дно сундука – изрядное количество серебра, тоже неплохо.

Вскрыв доску пола (уж очень она от своих соседок отличалась!), я добыл оттуда хороший арбалет и полтора десятка болтов к нему. Рядом лежало несколько свертков материи, нечто вроде бархата. До кучи, не помешает. Меч в потертых ножнах. Клинок очень даже неплох, сгодится. Ходить тут дворянину без меча – не поймут. А светить направо и налево Рунный клинок... Нет уж, обойдетесь. В качестве второго клинка, еще туда-сюда, для драки – это уж само собой

разумеется, а вот пригрозить можно и мечом, его без опаски демонстрировать можно. Надо будет местного кузнеца навестить, ножны для него заказать.

Все?

Остальные тайники были пусты. То ли Вилем их на будущее закладывал, то ли уже разбазарить все сумел. Не знаю. Но уже и того, что я добыл, хватало, чтобы начать новую, пусть и не слишком шикарную, жизнь. Где-нибудь подальше от этих мест.

Глотнуть, что ли, еще пива? В доме все спят, так что особо никого не потревожу. Единственный страж ходит по двору и в дом не заглядывает.

Уже поднимаясь по лестнице с двумя кружками пива в руках, я вдруг призадумался.

Олли. Его отравили и сбросили в воду из-за двух десятков золотых монет. А где они? Прятать их в тайники – на это ушло бы немало времени, могли уже встать его приказчики. Значит, у трактирщика было времени в обрез. Стало быть, монеты где-то рядом. В комнате у Олли? Там спит Гарт, туда не залезть. Да и не стал бы Вилем рисковать, пряча их в этом месте. Уж приказчики точно все там перевернули, и не раз. Не понес бы Вилем золото и в свои помещения. Поопасался бы он их там занюхивать. Мало ли как могло выйти? Меня могли бы и не догнать. И тогда трактир перевернули бы с ног на голову. Тайник в его комнате однозначно указал бы на

преступника.

Нет.

Тайник где-то рядом.

Где золото точно не будут искать?

Место, где его не отыщет никто другой?

Где вообще никто и ничего искать не будет?

С точки зрения человека данного времени.

Есть ли такое место?

Есть.

Глава 6

– Мне было приятно познакомиться с вами, Алекс.

– Взаимно, Гарт. Я рад, что на моем пути встретился столь благородный и много знающий человек, как вы.

– Мир тесен, Алекс. Вполне вероятно, что мы с вами еще встретимся.

– Кто знает? Но я был бы этому рад!

Управляющий кивнул мне и легко вскочил в седло. Небольшая кавалькада выехала со двора и направилась к лесу. Следом потянулись повозки с его сопровождающими.

Оставленный для присмотра за харчевней стражник, потоптавшись на месте, кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Ваша милость?

– Да?

– С вашего позволения... я бы сходил в деревню... там староста очень просил...

– Да ради бога! Я тут сложу вещи на повозку, да к обеду и сам уже поеду. Скорее всего...

Обрадованный стражник, подхватив копье, заспешил к ... кухне. Это с чего бы? Сомнения мои разрешились почти тут же. Он появился во дворе, зажимая подмышкой небольшой бочонок. Ага, так это он за пивом ходил! Дело у него... знаем мы такие дела.

Проводив его взглядом, я и сам пошел туда же.

Войдя в кухню, осмотрелся по сторонам.

Так... фонарь, где-то я его видел...

Ага! Вот он, на крюке висит.

Если мне не изменяет моя память (а она обычно такого не делает), то надо поискать какой-нибудь крючок...

Нет тут ничего подобного.

Тут?

А в общем зале?

Мебель... не то... стойка трактирщика – пусто, ничего похожего нет.

Хм, пролет?

Очаг... тоже ничего интересного.

Метла в углу.

Ну, это и вовсе из другой оперы!

Стоп!

Очаг...

Кочерга?

А отчего бы и нет?

Вполне, знаете ли, может быть.

У кого вызовет подозрение хозяин трактира с кочергой в руке? Обыденное зрелище, не более того. И узелок в руках при этом тоже ничем особенным примечателен не будет.

Ну что ж, пойдем и мы по его стопам...

Вот и искомое место. Так сказать – отхожее. Кстати, если я не ошибаюсь, его в это время быть не должно. В том смыс-

ле, что даже и в Версале таковых тогда не было. Или это было раньше? Опять я увлекся! Это – другой мир, и все (или, по крайней мере – многое) тут может идти своей дорогой. Сарайчик приподнят над землей (зачем?) и стоит на небольшой, чуть меньше метра, насыпи.

Так.

Заходим сюда.

Что сделал бы человек комплекции Вилема?

Заглянул в очко?

Хренушки! Комплекция не позволяет. Я еще могу, а вот ему для этого пришлось бы на колени встать, иначе бы брюхо не позволило бы. Да и то... Невесело бы ему пришлось. Нет.

Не здесь.

Вернее – не отсюда.

Может сюда в это время войти кто-нибудь еще?

Запросто.

И стоящий в странной позе трактирщик вызовет, как минимум, удивление.

Идем на улицу. И обходим строение со всех сторон.

Вот и люк сзади. Все правильно, тут он и должен быть. Даже и не люк, а что-то типа дверцы в подпол. Врезана в насыпь. Немаленькая такая дверца, впору человеку пролезть.

Давно ли ее открывали?

На первый взгляд – давно. Аж в землю вросла.

Да только трава в этом месте пожухлая. Отчего?

Дерн подрезали и сняли.

Открыли дверцу, сделали что нужно и, закрыв, положили дерн на место.

Похоже?

Даже очень.

Резюме?

Не будем искать непроторенных путей. Ловушек тут быть не должно, к ответу привлекли бы хозяина трактира. Нужен ли ему подобный геморрой? Не нужен.

Дерн в сторону, точно отвалился, аккурат по надрезу, дверцу тянем на себя...

Запашок однако!

Зажигаем фонарь, на кочергу его и суем внутрь.

М-м-да...

Все, как и у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.